

А. И. Красницкій

СЛЕЗЫ

Повѣсть изъ гимназическаго быта

Изданіе А. Ф. Девріена Берлинъ

VELUT
ARBOR
ÆVO

А. И. КРАСНИЦКІЙ

СЛЕЗЫ

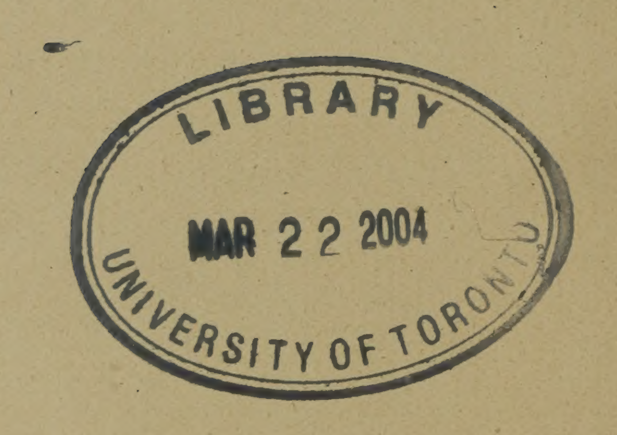
ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА ИЗЪ ГИМНАЗИЧЕСКАГО БЫТА

СЪ РИСУНКАМИ
А. А. ЧИКИНА

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

БЕРЛИНЪ
ИЗДАНІЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Оставленный классъ.

Рѣзкій продолжительный звонокъ, нарушивъ въ одно мгновеніе мертвую дотолѣ тишину въ корридорахъ N-ской классической гимназіи, возвѣстилъ окончаніе классовъ.

Наступилъ давно жданный и желанный моментъ. Гимназическій день кончился. Еще всего только нѣсколько минутъ и учителямъ, дававшимъ послѣдній урокъ, и ихъ ученикамъ можно будетъ до слѣдующаго утра разойтись по домамъ . . .

Кто изъ побывавшихъ въ какой бы то ни было школѣ не знаетъ всей сладости, всей прелести этого момента!

Послѣдній звонокъ — величайшее событіе школьнаго дня. Онъ возвѣщаетъ полную свободу, полное забвеніе всѣхъ дневныхъ тревогъ и треволненій, возвѣщаетъ близость семьи, которая, какъ бы плоха въ общемъ она ни была, все-таки для маленькаго человѣка лучше самой хорошей школы.

Колокольчикъ не совсѣмъ еще замолкъ въ привычныхъ рукахъ сторожа Павла, а уже всѣ классные корридоры вдругъ наполнились обычнымъ передъ роспускомъ веселымъ гуломъ.

Звонкіе молодые голоса всѣхъ оттѣнковъ, хлопанье дверьми и крышками на партахъ, шарканье многихъ десятковъ ногъ, веселый хохотъ — все это слилось въ одинъ общій хаосъ звуковъ. Слышались

среди нихъ особенно ясно только громкіе окрики классныхъ надзирателей, выстраивавшихъ, чтобы вести въ шинельную, своихъ воспитанниковъ попарно. Классы быстро пустѣли; вмѣсто гимназистовъ въ нихъ появились уже младшіе сторожа со щетками и мокрыми тряпками.

Одинъ только третій классъ оставался не распущеннымъ . . .

Тридцать семь воспитанниковъ этого класса сидѣли за своими партами, не начиная даже укладывать въ ранцы книги.

На молодыхъ лицахъ отражался не то испугъ, не то какое-то странное недоумѣніе. Всѣ призатихли, будто ожидая наступленія близкой неминуемой грозы. Не только, что не было слышно обычныхъ разговоровъ, хотя бы вполголоса, но даже и шепотъ смолкъ. Казалось, что-то такое необычайное, неожиданное вдругъ обрушилось надъ этими молодыми головами, придавило ихъ непривычной тяжестью, и вотъ всѣ эти подростки не были еще въ силахъ справиться съ своимъ волненіемъ, не могли разобраться въ неожиданныхъ впечатлѣніяхъ . . .

Въ такомъ напряженномъ, неестественномъ молчаніи шли минуты за минутами.

Старшій дежурный по классу, общій любимецъ и товарищей и учителей, Костя Степановъ, такъ и застылъ у каѳедры, младшій — одинъ изъ «сорвиголовъ» третьяго класса — Вася Котовъ, забывъ о шалостяхъ, почти неподвижно стоялъ у входныхъ дверей, напряженно слѣдя взорами за Дмитріемъ Ильичемъ, дежурнымъ классным надзирателемъ, тоже съ замѣтнымъ волненіемъ ходившимъ взадъ и впередъ по корридору.

Наконецъ, классъ сталъ мало по малу приходить въ себя.

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе начало изглаживаться. За партами послышался сперва тихій шепотъ, а потомъ сдержанное хихиканье, но какъ разъ въ это время дежурный у дверей громко крикнулъ:

— Тс! Иванъ Васильевичъ!

Тотчасъ вслѣдъ за этимъ на порогѣ появился классный наставникъ этого класса Иванъ Васильевичъ Бѣлковъ.

Иванъ Васильевичъ былъ преподавателемъ математики. Наставникъ онъ былъ очень строгій, не любившій давать потачку шалунамъ и лѣнтяямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всей гимназіи была извѣстна его безусловная справедливость. Для Бѣлкова всѣ его ученики были равны. «Любимцевъ» у него не было, и это очень возвышало суроваго съ виду наставника въ глазахъ воспитанниковъ. Они его если и не любили, то во всякомъ случаѣ искренно уважали, чувствовали къ нему безусловное довѣріе и никогда не боялись сознаваться ему вполнѣ чистосердечно въ своихъ шалостяхъ и проступкахъ.

Теперь лицо Ивана Васильевича, при входѣ въ классъ, явно отражало на себѣ негодованіе, которое онъ даже не желалъ скрывать.

— Затворите двери! — приказалъ дежурному на ходу Бѣлковъ и торопливыми шагами подошелъ къ каѳедрѣ.

За каѳедрой, на ея помостѣ, лежалъ на боку учительскій стулъ. Это былъ обыкновенный такъ называемый «вѣнскій» стулъ изъ буковаго дерева съ плетенымъ сидѣніемъ. Одной ножки у него не было. Эта ножка валялась тутъ-же на помостѣ. Бѣлковъ нагнулся, поднялъ ее и сталъ внимательно разсматривать. Слѣдовъ случайнаго полома не было замѣтно. Напротивъ казалось, что дерево кѣмъ-то было перепилено, и перепилено очень тщательно и осто-

рожно какъ разъ на самой половинѣ длины ножки. Иванъ Васильевичъ поднялъ стулъ и тоже не менѣе внимательно оглядѣлъ его. Осмотръ подтвердилъ предположеніе. Сомнѣнія быть уже не могло. Всѣ признаки злого умысла были на лицо. Ножка учительскаго стула была, дѣйствительно, кѣмъ-то подпилена и сломалась отъ тяжести грузно опустившагося на сидѣнье человѣка . . .

Бѣлковъ укоризненно покачалъ головой и тяжело вздохнулъ.

— Господа! — обратился онъ къ классу, — кто изъ васъ сдѣлалъ эту гадость?

Отвѣта не послѣдовало.

Мальчики съ тревогой и недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга, но молчали, очевидно, не зная, что отвѣчать.

— Господа! Еще разъ спрашиваю, — возвысилъ голосъ классный наставникъ, — кто изъ васъ рѣшился сдѣлать зло Ѳедору Васильевичу? Вѣдь, кто-то изъ васъ только благодаря счастливому случаю не совершилъ преступленія! . . Ѳедоръ Васильевичъ, слава Богу! только ушибся . . . очень сильно ушибся, но, вѣдь, могло быть хуже . . . Падая съ каѳедры, онъ могъ разбиться на смерть . . . Подумайте объ этомъ: Ѳедоръ Васильевичъ — старый человѣкъ — много ли ему нужно . . . Что онъ вамъ сдѣлалъ? За что? Скажите мнѣ, за что?

Опять во всемъ классѣ никто не проронилъ ни слова.

— Вы молчите?! — раздражился Бѣлковъ, — что это значитъ? Безъ сомнѣнія, между вами есть негодяи или, по крайней мѣрѣ, негодяй . . . Стулъ подпиленъ . . . Само собой, — это и вы понимать должны, — ничего подобнаго произойти не могло . . . Кто это сдѣлалъ — негодяй! . . Но я вѣрить не хочу, чтобы всѣ вы были такими. Я не хочу, да, не

хочу вѣрить этому . . . Я съ перваго класса, вотъ уже третій годъ, веду васъ . . . Среди васъ были шалуны, лѣнивцы, но негодяевъ не было . . . До сихъ поръ я былъ увѣренъ въ этомъ! . . Неужели-же я ошибся? Да отвѣчайте-же, наконецъ, хотя что-нибудь!

— Иванъ Васильевичъ! — раздался голосъ съ средней парты — говорилъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ въ классѣ Михаилъ Кормилицынъ, — если бы мы только знали, кто это сдѣлалъ, мы наказали-бы его сами! . .

Въ голосѣ мальчика слышалось искреннее негодованіе.

— Не можетъ быть, чтобы вы не знали! — съ раздраженіемъ топнувъ ногой, крикнулъ ему Бѣлковъ, — вы, просто, не хотите выдавать негодяя . . . Сейчасъ явится сюда инспекторъ, я положительно не знаю, что и говорить ему . . . Лучше самъ сознайся, кто это сдѣлалъ!

— Нѣтъ! Нѣтъ! — послышались голоса, — мы, право, не знаемъ . . . Мы любимъ Ѳедора Васильевича, онъ — добрый . . . если бы мы знали . . .

— Но долженъ-же быть кто-нибудь виновникомъ? Неужели-же у него не хватаетъ духу сознаться . . . Вѣдь, это не только глупо, но даже недостойно человѣка . . . А вотъ и инспекторъ!

Дверь въ классъ быстро отворилась.

Такъ-же торопливо, какъ и Бѣлковъ, вошелъ инспекторъ N-ской гимназіи Петръ Матвѣевичъ Михайловъ, уже пожилой человѣкъ съ сердитымъ, болѣзненнымъ лицомъ. Онъ казался очень взволнованнымъ, и не только взволнованнымъ, но и озлобленнымъ. Нахмуренныя густыя брови совсѣмъ скрыли подъ собою глаза, губы замѣтно дрожали, плечи нервно подергивались.

— Не сознаются? — спросилъ онъ у Бѣлкова, кивая головой на замершихъ въ трепетномъ ожиданіи воспитанниковъ.

Иванъ Васильевичъ отрицательно покачалъ головой.

— Врядъ-ли они и сами знаютъ! — тихо сказалъ онъ въ отвѣтъ.

Инспекторъ желчно засмѣялся.

— Не знаютъ! Кто же тогда знаетъ? Не мы-ли съ вами? — громко произнесъ онъ. — Позоръ! позоръ! Говорите, кто это сдѣлалъ! — закричалъ Петръ Матвѣевичъ, обращаясь уже къ классу.

Отвѣта не было.

Мальчики испуганно переглядывались, но молчали по-прежнему.

— А, вы не хотите сознаться! — уже совсѣмъ разсердился инспекторъ. — Весь классъ остается на три часа послѣ уроковъ и будетъ оставаться такъ каждый день, пока не отыщется негодникъ . . . А теперь слушайте еще . . . Вашу жертву, Ѳедора Васильевича, унесли домой въ глубокомъ обморокѣ . . . докторъ говоритъ, что его положеніе опасно . . . Довольны вы? Радуйтесь!

Съ этими словами Петръ Матвѣевичъ круто повернулся и, хлопнувъ дверью, вышелъ изъ класса.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ѳедоръ Васильевичъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ день на послѣднемъ урокѣ произошло очень печальное и даже позорное для N-ской гимназіи событіе.

Послѣднимъ въ этотъ день былъ урокъ нѣмецкаго языка. Преподавалъ его въ N-ской гимназіи Ѳедоръ

Васильевичъ Іогансенъ, общій любимецъ всѣхъ гимназистовъ.

Ѳедоръ Васильевичъ былъ уже старикъ, но рѣдко когда такъ ярко выражалось въ комъ-бы то ни было свойственное старости добродушіе, какъ въ этомъ человѣкѣ. Это было не столько добродушіе, сколько пламенная любовь къ дѣтворѣ. Старый учитель, всю свою долгую жизнь посвятившій дѣтямъ, какъ будто-бы былъ созданъ для своего назначенія. Въ молодости дифтеритъ унесъ двоихъ его малютокъ, и вотъ Ѳедоръ Васильевичъ перенесъ всю ту любовь, какую питалъ къ своимъ дѣтямъ, на чужихъ. Онъ всецѣло посвятилъ себя на служеніе подрастающему человѣчеству, отдалъ ему всего себя и былъ счастливъ только тогда, когда кругомъ него бывали дѣти. Для него не было ни дурныхъ, ни хорошихъ дѣтей — всѣ были одинаково милы и дороги его кроткому, любвеобильному сердцу. Послушные и упрямцы, прилежные и лѣнивцы, способные и бездарные, ласковые и по природѣ грубые, красивые и безобразные — всѣ, всѣ безъ исключенія могли разсчитывать встрѣтить въ старикѣ искренняго, преданнаго друга, всегда въ каждую минуту и по каждому поводу готоваго притти на помощь, — притти совершенно безкорыстно, не ожидая благодарности. И дѣти знали это. Ихъ чуткая душа прозорлива. И врага, и друга они чуютъ инстинктомъ. Чувства не въ ихъ еще волѣ. Они не въ состояніи заставить себя искренно любить или ненавидѣть — это приходитъ позже, съ лѣтами, но пока жизнь еще далека отъ ребенка, всѣ его впечатлѣнія непосредственны, его не обманешь никакой личиной. Ѳедоръ-же Васильевичъ въ своей любви былъ вполнѣ искрененъ — онъ всею душою любилъ дѣтвору, и дѣтвора платила ему той-же монетой . . .

Между тѣмъ старикъ Іогансенъ вовсе не принадлежалъ къ тому типу учителей, которыхъ гимназисты считаютъ «хорошими». Нѣтъ, онъ былъ щедръ и на единицы, и на двойки. Но дѣло въ томъ, что этотъ учитель отъ своихъ учениковъ требовалъ добросовѣстнаго труда, основательныхъ знаній, и каждая его отмѣтка являлась вполнѣ справедливой оцѣнкой этихъ знаній. Дѣти чуяли и это. Они знали, что Ѳедоръ Васильевичъ былъ такъ же щедръ и на «пятки», какъ и на «колы», что единица, полученная сегодня за плохо приготовленный урокъ, нисколько не помѣшаетъ получить высшую отмѣтку завтра или послѣзавтра, если и урокъ добросовѣстно приготовленъ, и все пройденное основательно изучено. Это вело только къ тому, что ученики Ѳедора Васильевича блистательно знали нѣмецкій языкъ, учились ему охотно и старались только объ одномъ: не огорчить своимъ незнаніемъ стараго учителя.

Другіе учителя въ глубинѣ души завидовали Іогансену, его успѣхамъ въ классѣ, но никто не давалъ себѣ труда послѣдовать его примѣру и стать для учениковъ, тѣмъ, чѣмъ сталъ для нихъ этотъ добрый старичекъ.

Наружность Ѳедора Васильевича не вполнѣ соотвѣтствовала его душѣ, кроткой и любвеобильной.

Онъ былъ очень невысокъ ростомъ, съ маленькимъ тѣломъ и круглой головой. Волосы его, на головѣ и бородѣ, были сѣдые, рѣдкіе, такъ сказать «облѣзлые»; цвѣтъ лица сѣроватый, какъ и у всѣхъ людей, проводящихъ свою жизнь въ каменныхъ зданіяхъ съ зараженнымъ углекислотою воздухомъ. Высокій лобъ былъ весь испещренъ морщинами; подъ глазами висѣли кожные мѣшечки — несомнѣнный признакъ наступившей старости, но глаза стараго учителя сіяли юношескимъ блескомъ. Это былъ особый блескъ. Не-

добрыхъ зловѣщихъ огоньковъ никто никогда не видалъ въ глазахъ старика даже тогда, когда онъ начиналъ сердиться. Напротивъ того, въ этомъ случаѣ глаза его оставались совершенно спокойными. Они даже какъ будто улыбались, въ то время, когда старикъ повышалъ голосъ, насильно стараясь придать ему оттѣнки гнѣва. Но за то, когда Ѳедоръ Васильевичъ бывалъ чѣмъ-нибудь доволенъ, глаза его начинали лучиться и сіять. Въ нихъ такъ и свѣтились радость, удовольствіе, счастье. Въ классѣ это бывало чаще всего тогда, когда малоспособный ученикъ вдругъ оказывалъ успѣхи и усваивалъ безъ особыхъ затрудненій объясненія учителя. Тогда старикъ положительно становился привлекательнымъ, и весь классъ замиралъ, любуясь на его озаренное свѣтомъ счастья лицо.

Несмотря на солидную пенсію за выслугу лѣтъ, на усердный постоянный трудъ, Іогансенъ былъ очень небогатъ. Мало того что небогатъ, онъ былъ почти бѣденъ. Ему едва хватало учительскаго жалованья даже на насущныя потребности, хотя эти потребности и у Ѳедора Васильевича, и у его супруги Марфы Игнатьевны (Іогансенъ былъ женатъ на русской) были очень невелики. Квартирка въ четыре очень небольшихъ комнатки, убранныхъ безъ всякой претензіи на роскошь, почти убого, обѣдъ изъ двухъ самыхъ незатѣйливыхъ блюдъ, чай дважды въ день — вотъ все, что имѣли для существованія два старика: Ѳедоръ Васильевичъ и его супруга. Все это не могло стоить дорого, но и въ этомъ необходимомъ часто случалась нужда. Куда-же тогда дѣвали всѣ деньги старики? Никто этого не зналъ. Директора гимназій, гдѣ учительствовалъ Іогансенъ, только догадывались, если получался пакетъ отъ «неизвѣстнаго» съ деньгами, назначенными за ученіе выключаемаго изъ гимназіи

за неплатежъ ученика, что эти деньги идутъ не отъ кого другого, какъ отъ Өедора Васильевича, но дальше догадокъ никто не шелъ. Тайна «неизвѣстнаго» сохранялась свято. Самъ Өедоръ Васильевичъ очень не любилъ, если его спрашивали, куда онъ дѣваетъ свои средства.

— Даю мои деньги въ долгъ подъ проценты, — отрѣзывалъ обыкновенно онъ, если къ нему начинали приставать съ подобными вопросами.

Конечно никто изъ знавшихъ Іогансена не могъ даже повѣрить подобному объясненію, но такъ какъ Өедоръ Васильевичъ упорно отвѣчалъ на всѣ вопросы одно и то же, то въ концѣ концовъ его оставили въ покоѣ, но тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени, благодаря этимъ словамъ, создалась легенда, и были люди, не въ шутку считавшіе старика ростовщикомъ, хотя никто никогда не могъ-бы указать его жертвъ . . .

Чтобы закончить характеристику Өедора Васильевича, остается сказать очень немного.

То, что онъ былъ «нѣмецъ», нисколько не мѣшало ему быть не только русскимъ, но и даже православнымъ. Еще дѣдъ Іогансена родился въ Россіи и женился на обрусѣвшей нѣмкѣ. Уже онъ былъ православнымъ, но благодаря женѣ въ его семействѣ поддерживались нѣмецкія традиціи. Дѣти воспитывались на нѣмецкій ладъ и хотя были вполнѣ русскими и по рожденію, и по духу, и по вѣрѣ, но сохраняли въ себѣ всѣ отличительныя черты германскаго племени. Въ Өедорѣ Васильевичѣ черты эти значительно смягчились. Мать его была коренная русская, и отъ нея онъ позаимствовалъ безграничное славянское добродушіе и искреннюю любовь къ ближнему, кто-бы онъ ни былъ по происхожденію.

Россію Өедоръ Васильевичъ любилъ горячо, хотя эта любовь была вполнѣ разумна и чужда всякаго квасного патріотизма. Это была нѣжная любовь до-

браго сына къ доброй матери, любовь безкорыстная, хотя и не ослѣпляющая. Поэтому-то Өедоръ Васильевичъ и любилъ такъ пылко дѣтей. Онъ видѣлъ въ нихъ будущихъ гражданъ своей родины. Классы въ тѣхъ школахъ, гдѣ онъ учительствовалъ, были для него нивой, на которой всходили новые побѣги, и Іогансенъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы эти побѣги не превратились въ плевелы, а выросли и стали вполнѣ достойными того великаго назначенія, какое суждено имъ по Божьей волѣ на землѣ.

Таковъ былъ Өедоръ Васильевичъ Іогансенъ, преподаватель нѣмецкаго языка въ N-ской классической гимназіи.

Съ нимъ-то и случилось совершенно неожиданное, ничѣмъ не объяснимое и позорное для гимназіи происшествіе.

Когда аккуратно минуту спустя послѣ звонка, возвѣстившаго конецъ послѣдней десятиминутной перемѣны, Өедоръ Васильевичъ входилъ въ третій классъ, его встрѣтилъ радостный гулъ. Гимназисты въ мгновеніе окружили его, какъ и всегда, тѣснымъ кольцомъ. Одинъ протягивалъ тетрадку съ пересказанной по собственной иниціативѣ нѣмецкой басней, другой просилъ учителя спросить его изъ всего пройденнаго, чтобы «дать поправиться» въ полученномъ на предыдущемъ урокѣ неудовлетворительномъ баллѣ, третій заявлялъ, что на этотъ разъ онъ не приготовилъ урока и обѣщалъ непремѣнно приготовить его къ другому дню. Словомъ, у каждаго было какое-нибудь дѣло къ любимому учителю. Такъ бывало всегда и въ каждомъ классѣ, куда приходилъ старикъ. Школьная дисциплина, правда, нѣсколько этимъ нарушалась, но за то все болѣе и болѣе упрочивались добрыя довѣрчивыя отношенія между учениками и ихъ наставникомъ.

Наконецъ всѣ обращавшіеся такъ или иначе были удовлетворены.

Въ классѣ наступила сравнительная тишина. Ѳедоръ Васильевичъ, какъ и всегда необыкновенно подвижный для своихъ лѣтъ, вызвавъ къ доскѣ двухъ гимназистовъ, Александрова и Клейна, принялся спрашивать ихъ урокъ, расхаживая въ то-же время по классу. Оба вызванные знали урокъ превосходно. Ихъ отвѣты, видимо, радовали старика. Онъ то и дѣло улыбался, похлопывалъ себя, по своей привычкѣ, по бедрамъ и довольнымъ голосомъ говорилъ:

— Такъ, друзья мои, такъ, такъ . . .

Въ концѣ концовъ онъ увлекся самъ.

Къ отвѣтамъ присоединились дальнѣйшія поясненія; классъ, знавшій методу своего наставника, затихъ, всѣ внимательно прислушивались; урокъ вдругъ сталъ интереснымъ, даже лѣнтяи и шалуны сидѣли смирно, какъ будто увлеченные общимъ настроеніемъ товарищей.

Время летѣло незамѣтно.

Остановившись, Ѳедоръ Васильевичъ взглянулъ на часы. До послѣдняго звонка оставалось всего только четыре минуты.

— Ну, сегодня довольно мы потрудились, друзья! — сказалъ старикъ, — теперь я задамъ вамъ урокъ на слѣдующій разъ . . . Сегодня-же . . .

Съ этими словами онъ поднялся на каѳедру и раскрылъ книгу для записи заданнаго.

— Сегодня же, — продолжалъ онъ, — вы меня утѣшили . . . Если-бы мой третій классъ велъ себя всегда такъ, старикъ Іогансенъ былъ бы счастливъ . . .

И вдругъ только что произнесено было послѣднее слово, Ѳедоръ Васильевичъ накренился влѣво всѣмъ корпусомъ и, прежде чѣмъ успѣлъ за что-либо ухватиться, вмѣстѣ со стуломъ тяжело упалъ съ помоста

Дмитрій Ильичъ взялъ безчувственнаго старика подъ плечи.

на полъ, увлекая за собой и журналы, и груду взятыхъ въ классѣ тетрадокъ съ письменными домашними работами. Падая, онъ сперва головой а затѣмъ плечомъ сильно задѣлъ за классную доску, она въ свою очередь упала, и упала прямо на старика.

Въ первыя мгновенія никто въ классѣ не могъ сообразить, что такое случилось.

Это паденіе было настолько неожиданно, что ошеломило гимназистовъ. Но вслѣдъ за тѣмъ поднялся крикъ, суматоха и послышались даже вопли. Мальчики разомъ повскакали съ своихъ мѣстъ, бросились къ учителю. Доску моментально подняли. Ѳедоръ Васильевичъ лежалъ подъ ней неподвижный, съ закрытыми глазами, съ блѣднымъ лицомъ . . .

— Воды, воды! . . . — раздавались отчаянные крики, — Сторожа! за Дмитріемъ Ильичемъ!

Дежурные Степановъ и Котовъ, чуть не плача, кинулись изъ класса.

Однако громъ упавшей доски привлекъ уже вниманіе сторожей. Павелъ, приготовлявшійся къ звонку, кинулся въ классъ, изъ учительской поспѣшно бѣжалъ по коридору Дмитрій Ильичъ.

— Котовъ, Степановъ, — съ тревогой въ голосѣ спрашивалъ онъ, — что случилось?

— Ѳедоръ Васильевичъ . . . — захлебывались отъ волненья мальчики.

— Что? Что такое?

— Упалъ съ каѳедры . . . не дышетъ . . .

Дмитрій Ильичъ, не слушая дальнѣйшихъ объясненій, опрометью вбѣжалъ въ классъ.

Миша Кормилицынъ уже успѣлъ принести воды; темя старика было намочено, на грудь мальчики положили смоченный платокъ. Павелъ приподнялъ безчувственнаго учителя, но снести его не могъ.

— Что? Что съ нимъ? — тревожно спросилъ Дмитрій Ильичъ.

— Плохо дѣло . . . отвѣчалъ Павелъ. — Ѳедоръ Васильевичъ въ обморокѣ . . . вынести-бы ихъ . . . Въ учительской сподручнѣе . . , да за докторомъ . . . Такія лѣта ихъ . . .

Разсуждать не приходилось.

Дмитрій Ильичъ взялъ все еще безчувственнаго старика подъ плечи, другой прибѣжавшій сторожъ за ноги и такъ вынесли его изъ класса.

Ѳедоръ Васильевичъ замертво снесенъ былъ въ учительскую.

Павелъ поспѣшилъ къ своему звонку, — и такъ уже время его было просрочено . . .

— Какъ это могло случиться? — торопливо спрашивалъ Дмитрій Ильичъ у окружавшихъ его гимназистовъ, — почему онъ упалъ?

Тѣ поспѣшили разсказать, какъ было дѣло, но ни одинъ изъ мальчиковъ не могъ указать причины несчастія.

Въ это время бросившій звонокъ Павелъ подбѣжалъ къ классному надзирателю и шепнулъ ему на ухо:

— Ножка у стула была подпилена, Дмитрій Ильичъ, вотъ оно что! Какъ Ѳедоръ Васильевичъ сѣлъ, ножка сломалась, стулъ опрокинулся, вотъ они и упали вмѣстѣ съ нимъ.

— Не можетъ этого быть! — заволновался классный надзиратель.

— Да уже это такъ . . . Я, какъ прибѣгъ на шумъ, сейчасъ на ножку взглянулъ . . . сразу видно, что пилили . . .

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Среди оставленныхъ.

Это печальное происшествіе, словно громомъ поразившее всю N-скую гимназію, и вызвало появленіе въ совершенно неурочное время въ третьемъ классѣ и класснаго наставника, и инспектора.

Едва только за Петромъ Матвѣевичемъ захлопнулась дверь, классъ вдругъ ожилъ.

Гимназисты побросали свои мѣста и въ одно мгновеніе окружили Ивана Васильевича, оставшагося послѣ ухода инспектора съ ними.

— Иванъ Васильевичъ, ради Бога, — со всѣхъ сторонъ раздавались голоса, — ради Бога скажите, что съ Θедоромъ Васильевичемъ? Какъ его здоровье? Живъ-ли онъ?

— Инспекторъ вамъ сказалъ! — пожалъ плечами Бѣлковъ.

— Нѣтъ, вы намъ скажите! Вы сами успокойте насъ.

— Вѣдь, мы, правда, не знаемъ, кто это сдѣлалъ ...

— Я кабы зналъ, такъ безъ инспектора сосчитался-бы! — выступилъ впередъ Евгеній Макаровъ, здоровый, геркулесовскаго сложенія юноша-второгодникъ, самый «великовозрастный» ученикъ третьяго класса. — Ужъ я-бы ему . . .

— Макаровъ, на мѣсто! — крикнулъ ему Иванъ Васильевичъ и какъ то невольно осмотрѣлъ однимъ взглядомъ всѣ опустѣвшія парты.

Изъ тридцати семи учениковъ этого класса только двое остались на своихъ мѣстахъ. Одинъ былъ еврей Самуилъ Брокъ, хромой, ходившій съ помощью костылей. Этому мальчику всегда было трудно подниматься съ мѣста, и онъ даже во время перемѣнъ старался оставаться въ классѣ. Другой сидѣлъ у окна

въ предпослѣднемъ ряду. Это былъ худощавый высокій подростокъ съ огненнаго цвѣта рыжими волосами. Лицо его, какъ и у всѣхъ рыжихъ, было блѣдно-молочнаго цвѣта, щеки и переносье покрыты веснушками, глаза были странно безцвѣтны, но общее выраженіе физіономіи его было злое, и если не отталкивающее, то во всякомъ случаѣ непріятное. Мальчикъ казался совершенно равнодушнымъ, какъ будто ничто изъ того, что происходило въ классѣ, не касалось его. Онъ вытащилъ изъ ранца булку и совершенно покойно ѣлъ ее, нисколько не смущаясь ни суматохой, ни волненіемъ товарищей, окружавшихъ Ивана Васильевича.

«Ужъ не Ѳоминъ-ли это сдѣлалъ? — подумалъ Бѣлковъ, глядя на него — что-то онъ черезъ-чуръ покоенъ . . . Нѣтъ, этого быть не можетъ! Ѳоминъ шалунъ, — тройка изъ поведенія, но ни въ чемъ особенно дурномъ онъ никогда не былъ замѣченъ . . .

Антонъ Ѳоминъ, дѣйствительно, былъ одинъ изъ отъявленныхъ шалуновъ этого класса. Не было той шалости, которой онъ не продѣлалъ-бы. Но начальство гимназіи его щадило. Ѳоминъ былъ мальчикъ замѣчательныхъ способностей. Все въ классѣ давалось ему легко. Объясненія учителей онъ воспринималъ сразу и почти никогда не прибѣгалъ къ помощи учебниковъ. Но это вело только къ тому, что никогда Ѳоминъ не зналъ заданнаго урока, если требовалось, выражаясь по гимназически, что-либо «вызубрить». Достаточно сказать, что онъ не могъ при всей своей памяти сказать наизусть знаменитаго: «Много есть именъ на is» изъ кюнеровской грамматики, а между тѣмъ при письменныхъ упражненіяхъ и устныхъ переводахъ онъ никогда, какъ это могъ-бы засвидѣтельствовать учитель латинскаго языка, не дѣлалъ ошибки въ исключеніяхъ. Если-же у него случались ошибки

въ extemporale, въ диктовкахъ и т. п., всѣ учителя были увѣрены, что эти ошибки происходятъ отъ невниманія, разсѣянности, а вовсе не отъ незнанія. По математикѣ онъ шелъ первымъ, хотя и изъ этого предмета, точно такъ же, какъ и изо всѣхъ другихъ, у него никогда не было хорошихъ отмѣтокъ — Бѣлковъ, преподававшій математику, былъ очень-очень строгъ, и единицы его чаще всего были снабжены буквой «в», означавшей, что баллъ поставленъ за невниманіе. Какъ-бы то ни было, всѣ учителя были самаго лестного мнѣнія о способностяхъ Ѳомина, и его, несмотря на шалости, оставляли въ гимназіи, въ ожиданіи, что съ лѣтами этотъ мальчикъ остепенится и перемѣнится.

На этого-то гимназиста и обратилъ вниманіе Иванъ Васильевичъ.

Какое-то невольно-непріятное чувство зародилось въ душѣ Бѣлкова при видѣ полнаго безучастія со стороны Ѳомина ко всему происшедшему въ классѣ.

Ѳоминъ замѣтилъ пристальный взглядъ учителя, но не перемѣнилъ позы и по-прежнему спокойно продолжалъ жевать булку.

Это спокойствіе окончательно вывело Бѣлкова изъ себя.

— Ѳоминъ, — крикнулъ онъ ему, — что вы дѣлаете?

Гимназистъ на этотъ разъ поторопился, дожевалъ кусокъ, спряталъ остатокъ булки и, поднявшись, отвѣтилъ:

— Какъ изволите видѣть, закусываю, Иванъ Васильевичъ!

Бѣлковъ даже опѣшилъ при подобномъ отвѣтѣ, хотя и логичномъ, но сказанномъ тономъ насмѣшки.

— Закусываете? Что-же вы не можете подождать? — сдерживая себя, спросилъ онъ.

— Зачѣмъ-же ждать, Иванъ Васильевичъ? — удивленно спросилъ его Ѳоминъ, — господинъ инспекторъ оставилъ весь классъ на три часа, стало быть распустятъ насъ только половина шестого, я живу далеко, мнѣ три четверти часа ходу до дому, такимъ образомъ я попаду домой только въ седьмомъ часу. Вотъ, я и рѣшилъ, чтобы не очень отощать, закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

Тонъ его голоса былъ почтителенъ, но эта почтительность скрывала за собою злую насмѣшку. Бѣлковъ ясно чувствовалъ это, и странная непріязнь къ этому мальчику такъ и разгоралась въ его сердцѣ.

— А, такъ . . . вы разсуждаете правильно, — проговорилъ онъ. — Пожалуйте-ка сюда.

Ѳоминъ подошелъ, смотря въ упоръ въ глаза своему наставнику.

Ни малѣйшаго признака волненія не отражалось на его лицѣ. Онъ былъ совершенно покоенъ; только въ глазахъ его искрились злобные огоньки.

— Не скажете ли вы намъ, Ѳоминъ, — обратился къ нему Бѣлковъ, — кто подпилилъ этотъ стулъ, прежде чѣмъ бѣдный Ѳедоръ Васильевичъ сѣлъ на него?

Ѳоминъ въ отвѣтъ пожалъ плечами.

— Почему-же я могу знать, Иванъ Васильевичъ, — спокойно отвѣтилъ онъ, — я учусь въ этой гимназіи, но обязанностей сторожа не исполняю . . .

— Отвѣтъ достойный Каина! — вскричалъ Бѣлковъ, — и даже похожій на него.

Гимназистъ покраснѣлъ и нахмурился. На лбу его ясно вздулась синяя жила.

— Меня зовутъ Антономъ, Иванъ Васильевичъ, — закусывая губу, произнесъ онъ, — а Ѳедоръ Васильевичъ никогда мнѣ братомъ не былъ.

— Онъ вамъ больше, чѣмъ братъ, — онъ вамъ наставникъ . . .

— Я не смѣю отрицать этого . . . Я не могу понять только, почему я долженъ знать, кто совершилъ это ... — Ѳоминъ на мгновеніе остановился какъ бы подыскивая болѣе или менѣе подходящее слово, и докончилъ: — это злодѣяніе . . .

— Я спросилъ васъ только потому, что вы одинъ молчите, когда всѣ ваши товарищи наперерывъ стараются высказать свою непричастность къ этому, какъ вы же сказали «злодѣянію», и свое сочувствіе къ бѣдному Ѳедору Васильевичу . . .

Ѳоминъ опять пожалъ плечами.

— Что же мнѣ говорить? — по-прежнему покойно сказалъ онъ, — если-бы я зналъ, то повѣрьте мнѣ, Иванъ Васильевичъ, я не сталъ-бы сидѣть здѣсь три лишнихъ часа.

Во все время этого разговора наставника съ ученикомъ остальные гимназисты стояли вокругъ, слушая отвѣты Ѳомина.

Ѳоминъ всегда въ разговорахъ со старшими отличался самоувѣренностью. Обыкновенно, это очень льстило самолюбію его товарищей: среди нихъ находился такой, который и съ самимъ инспекторомъ держалъ себя «зубъ за зубъ»; но теперь, словно что почуяли эти неиспорченныя жизненной ложью сердца, — самоувѣренный тонъ Ѳомина показался товарищамъ отвратительнымъ, его спокойствіе чуть не преступленіемъ . . .

«Ужъ не онъ-ли въ самомъ дѣлѣ натворилъ все это?» — невольно проносилась одна и та же мысль въ каждомъ мозгу.

Однако, прямо высказать свое подозрѣніе никто не рѣшился.

Слишкомъ важенъ былъ проступокъ, чтобы безъ всякихъ поводовъ кинуть хотя-бы тѣнь подозрѣнія на, можетъ быть, рѣшительно ни въ чемъ невинова-

таго товарища. Для виновника происшествія исключеніе было неизбѣжно. Каждый понималъ, что въ этомъ случаѣ волей-неволей приходится быть очень осторожнымъ. Великовозрастный Макаровъ, однако, не стерпѣлъ и показалъ Ѳомину изъ-за спины класснаго наставника свой увѣсистый кулакъ, Ѳоминъ видѣлъ это и только презрительно пожалъ въ отвѣтъ Макарову плечами.

Иванъ Васильевичъ хотѣлъ было продолжать свой дальнѣйшій опросъ, но двери класса распахнулись опять. На этотъ разъ вошли инспекторъ и самъ директоръ гимназіи Михаилъ Павловичъ Костыревъ, суровый, даже свирѣпый съ виду педагогъ, но добрѣйшей души человѣкъ, любившій дѣтей и отдавшій всю свою жизнь святому дѣлу ихъ воспитанія.

При первомъ же появленіи директора всѣ гимназисты разсыпались по своимъ мѣстамъ. Одинъ только Ѳоминъ остался стоять, какъ стоялъ раньше.

Михаилъ Павловичъ подозрительно взглянулъ на него, потомъ перевелъ свой уже воспросительный взглядъ на Бѣлкова.

«Неужели этотъ?» — какъ будто спрашивалъ онъ.

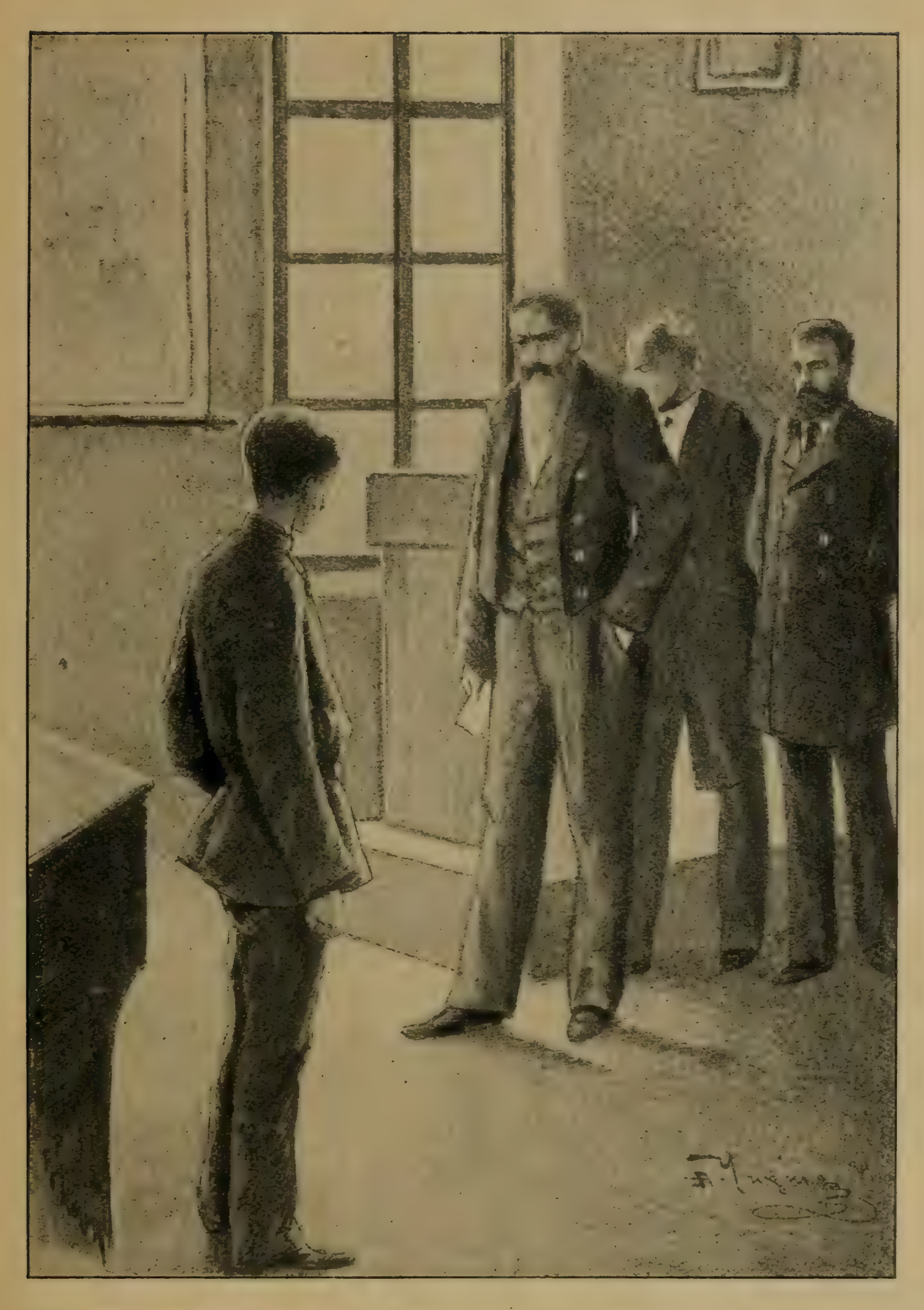
Иванъ Васильевичъ понялъ значеніе этого взгляда и отрицательно покачалъ головой.

— Садитесь, Ѳоминъ, — сказалъ онъ, кивая мальчику.

Тотъ расшаркался передъ наставниками и неторопливой походкой пошелъ къ своей партѣ.

Директоръ проводилъ его глазами и только тогда заговорилъ съ своими питомцами.

— Нехорошій поступокъ совершилъ кто-то изъ васъ, дѣти, — сказалъ онъ, — кто? — пока это неизвѣстно, но вы сами должны понимать, что никакое злое дѣло не остается безъ наказанія; рано или поздно виновный будетъ открытъ . . . Если люди не найдутъ

При первомъ же появленіи директора всѣ гимназисты разсыпались по своимъ мѣстамъ. Одинъ только Ѳоминъ остался стоять, какъ стоялъ раньше.

его, Богъ его откроетъ. Заговоритъ совѣсть, и нѣтъ ужаснѣе мукъ, какъ ея голосъ, внутренній голосъ, который упрекаетъ человѣка за совершенное зло . . . Нѣтъ силъ, которыя могли-бы заставить его умолкнуть, и мнѣ заранѣе жаль того изъ вашихъ товарищей, кто виновникъ сегодняшняго печальнаго происшествія . . . Такъ и знайте . . . Мы рѣшили не принимать никакихъ мѣръ къ тому, чтобы открыть виновника . . . Зачѣмъ, когда мы увѣрены, что онъ явится самъ съ повинной? . . Но всѣ за одного не должны страдать . . . Хочу вѣрить, что тридцать шесть изъ васъ не знаютъ, кто виноватъ, это знаетъ тридцать седьмой . . . Жалѣя его, я еще разъ и послѣдній разъ предлагаю ему назвать себя, сказать громко: «Это сдѣлалъ я!» — какъ слѣдуетъ всякому уважающему себя, а въ себѣ самомъ и другихъ, человѣку. Конечно, онъ будетъ наказанъ, но лучше быть наказанымъ другими, чѣмъ подвергнуться наказанію отъ такого страшнаго мстителя, какъ совѣсть . . . И такъ, дѣти, кто это сдѣлалъ?

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ.

Михаилъ Павловичъ подождалъ съ минуту и потомъ грустно покачалъ головой.

— Ѳедоръ Васильевичъ не успѣлъ вамъ задать урока, — сказалъ онъ послѣ этого, — такъ запишите . . . Послѣ этого вы всѣ, и виновный въ томъ числѣ, будете отпущены, но помните, что я говорилъ вамъ о мукахъ совѣсти . . .

Директоръ передалъ Бѣлкову какую-то записку и вмѣстѣ съ инспекторомъ вышелъ изъ класса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.
Добрый порывъ.

Иванъ Васильевичъ, воспользовавшись моментомъ, поспѣшилъ продиктовать урокъ. Оказалось, что

Θедоръ Васильевичъ дома пришелъ въ себя и тотчасъ же вспомнилъ, что не задалъ ничего къ слѣдующему разу.

Немедленно онъ послалъ въ гимназію записку, увѣдомляя, что чувствуетъ себя «превосходно», хотя и не можетъ лично явиться, чтобы довести урокъ до конца. Изъ содержанія записки было видно, что все происшедшее съ нимъ онъ приписываетъ исключительно несчастной случайности и даже не подозрѣваетъ истинныхъ причинъ паденія стула. Добрый старикъ не забылъ и того, что онъ не успѣлъ выставить Александрову и Клейну, которыхъ онъ спрашивалъ во время урока, отмѣтки и просилъ директора поставить тому и другому по пяти. Бѣлковъ, желая произвести впечатлѣніе на мальчиковъ, прочелъ цѣликомъ все письмо. Голосъ его, когда онъ читалъ, дрожалъ отъ волненія, и онъ нѣсколько успокоился только тогда, когда подмѣтилъ на глазахъ у многихъ мальчиковъ слезы.

Невольно при этомъ онъ взглянулъ и на Θомина.

Мальчикъ по прежнему былъ покоенъ и равнодушенъ, хотя слушалъ письмо, какъ казалось, съ большимъ вниманіемъ.

— Вотъ, вы слышали, господа, все, — сказалъ окончивъ чтеніе, Иванъ Васильевичъ, — теперь идите покойно по домамъ, играйте, рѣзвитесь, но помните, что говорилъ вамъ Михаилъ Павловичъ: тридцать шесть изъ васъ будутъ покойны, но горе тридцать седьмому! . .

Послѣднія слова онъ сказалъ съ особой выразительностью и, произнося ихъ, все время въ упоръ глядѣлъ на Θомина.

Тотъ не опустилъ передъ нимъ взгляда и въ свою очередь вызывающе смотрѣлъ на Ивана Васильевича . . .

Тотчасъ послѣ этого классъ былъ распущенъ по домамъ.

Гимназисты расходились, толкуя между собой о печальномъ событіи дня.

— Знаете что, господа, — остановился Миша Кормилицынъ, — мы не можемъ такъ покойно идти по домамъ сегодня, какъ всегда.

— А какъ-же? что-же? — послышались сейчасъ-же вопросы.

— Я предлагаю вотъ что: пусть, кто хочетъ и кто можетъ, пойдетъ къ Ѳедору Васильевичу . . . Ему будетъ пріятно, если мы навѣстимъ его.

— Ты прекрасно придумалъ, Кормилицынъ, — воскликнулъ Вася Котовъ, — мало того, я скажу вотъ еще что: въ виду всего происшедшаго, навѣстить бѣднаго Ѳедора Васильевича нашъ святой долгъ, потому что . . .

— Среди насъ, — перебивъ Котова, докончилъ его мысль Константинъ Степановъ, — подумайте только, не среди другихъ, а среди насъ третье-классниковъ, завелся негодяй!

— Ужъ попадись онъ только мнѣ! — прибавилъ Макаровъ, сжимая кулаки, — себя не пожалѣю . . .

— Такъ, господа, кто къ Ѳедору Васильевичу? — снова поднялъ голосъ Кормилицынъ.

— Я! . . . мы! . . . мы всѣ! — закричали мальчики.
— Ты знаешь, гдѣ живетъ Іогансенъ?

— Знаю . . . Такъ идемте . . . Это порядочно далеко . . .

Около двадцати товарищей послѣдовали за Кормилицынымъ.

Вопреки всѣмъ своимъ обыкновеніямъ, они шли тихо, не шумѣли, не прыгали, не старались перегонять другъ друга, какъ это бывало обыкновенно между ними послѣ роспуска изъ гимназіи, а шли попарно,

чинно, какъ ходили съ надзирателями на прогулкахъ во время большихъ перемѣнъ. Разговоры во время пути велись вполголоса, передъ прохожими мальчиками вѣжливо сторонились и вообще старались соблюсти полный порядокъ.

— Надо сосчитать, сколько насъ! — предложилъ Кормилицынъ, — нельзя-же всѣмъ намъ придти къ Ѳедору Васильевичу!

— Двѣнадцати нѣтъ! — объявилъ Макаровъ, уже успѣвшій произвести счетъ.

— Глядите-ка, даже Брокъ съ нами ковыляетъ! — удивился Клейнъ. — Шелъ-бы ты домой, или извозчика взялъ-бы — обратился онъ къ нему, — да, вѣдь, ты и нѣмецкому не учишься . . .

Степановъ наклонился и что-то шепнулъ на ухо Клейну въ то время, когда Брокъ отвѣчалъ, замѣтно сконфузившись:

— Нѣтъ, зачѣмъ-же извозчика? ужъ лучше всѣ вмѣстѣ . . .

Клейнъ какъ будто не слыхалъ его отвѣта. То, что шепнулъ ему Костя Степановъ, видимо, поразило его.

— А, вѣдь, ты правъ! — воскликнулъ онъ, — надо другимъ сказать . . .

— Только ты поосторожнѣе . . . смотри, обидишь товарища . . .

— Не безпокойся . . . устрою . . . все ладно будетъ . . . Эй! Извозчикъ!

— Куда прикажите, баринъ! — подкатилъ «ванька».

Клейнъ со всей важностью, на какую только былъ способенъ, нанялъ его на ту улицу, гдѣ жилъ Ѳедоръ Васильевичъ, но съ условіемъ подождать тамъ, пока не подойдутъ остальные.

— Садись, Брокъ! — обратился онъ къ товарищу-калѣкѣ.

Тотъ опять сконфузился.

— Нѣтъ, нѣтъ . . . я съ вами, я пѣшкомъ . . . — растерянно залепеталъ онъ.

— Садись! Нечего тамъ разговаривать! — командовалъ Клейнъ. — Александровъ, поѣзжай съ Брокомъ . . .

Александровъ смутился въ свою очередь: краска такъ и залила его щеки.

— У меня всего только четыре копѣйки съ собой, — прошепталъ онъ на ухо товарищу.

— Ничего! Ты слышалъ условіе — извозчикъ долженъ подождать насъ, а изъ четырехъ копѣекъ твоихъ, двѣ давай сюда! Вотъ, такъ . . . Влѣзай-же, Брокъ, не задерживай товарищей . . . Ну, помѣстились! Трогай, извозчикъ, только помни, ты насъ долженъ подождать . . . я замѣтилъ твой номеръ.

— Будьте, баринъ, благонадежны! Развѣ мы не понимаемъ? — было отвѣтомъ.

Пока происходило все это, гимназисты стояли кругомъ, не понимая, чего именно хочетъ Клейнъ.

— Теперь братцы, я къ вамъ буду держать рѣчь, — заговорилъ Клейнъ, когда извозчикъ съ Брокомъ и Александровымъ отъѣхалъ на такое разстояніе, что его сѣдокамъ не слышно было говорившаго. — Брокъ еле ноги волочитъ, ему и по гладкому полу ходить трудно, а не то что съ нами тащиться . . . а если кому ходить трудно, то тотъ долженъ ѣздить. Такъ это, товарищи?

— Такъ, такъ . . . — раздалось въ отвѣтъ.

— Только Брокова бѣда въ томъ, что онъ ѣздить не можетъ . . . Его отецъ бѣднѣе бѣднаго, и у Брока копѣйки за душой нѣтъ. Вотъ, я и подумалъ, что мы, его товарищи, разъ онъ примкнулъ къ намъ, должны позаботиться о немъ и облегчить ему трудность пути. Насъ, включая Александрова, уѣхавшаго съ Брокомъ,

двадцать четыре товарища, сложимся по двѣ копѣйки каждый, вотъ Броку хватитъ и къ Ѳедору Васильевичу доѣхать, да и обратно до дому добраться хватитъ . . . а, что?

— Добро! — пробасилъ Макаровъ, сынъ богатаго купца, — жертвую рубль!

— Пошелъ — ты! закричалъ на него Клейнъ. — Ни твоего рубля, ни твоей жертвы не нужно . . . Мы не милостыню сбираемъ, а товарища облегчить хотимъ . . . Эхъ, ты, голова! И того-то сообразить не сумѣлъ, что принять твой рубль, значитъ, товарища обидѣть . . . Давай двѣ копѣйки . . . Кто желаетъ пристать къ Александрову, свою долю мнѣ уже вручившему, Макарову и ко мнѣ, — давайте по столько-же . . .

Желающими оказались всѣ, но у пятерыхъ изъ подростковъ не оказалось съ собой ничего. Клейнъ и тутъ вывелъ товарищей изъ неловкаго положенія, предлагая ссудить имъ нужную сумму «въ долгъ» до завтра. Такимъ образомъ, дѣло уладилось и мальчики, довольные собой, пошли далѣе.

Когда они вышли на улицу, гдѣ жилъ Ѳедоръ Васильевичъ, Брокъ и Александровъ уже ожидали ихъ. Клейнъ, бывшій у товарищей кассиромъ, торжественно вручилъ извозчику условленную плату и тутъ-же нанялъ его отвести Брока обратно. Бѣдный калѣка не зналъ, что и дѣлать. Онъ былъ страшно сконфуженъ.

— Я завтра . . . завтра отдамъ все, — бормоталъ онъ, — незачѣмъ было, дошелъ-бы . . .

— Ты, Брокъ, завтра не отдавай, — наставительно сказалъ ему Курлаковъ, одинъ изъ гимназистовъ, — мы, слава Богу! товарищи . . . Да и отдавать-то некому . . .

— Нѣтъ, какъ-же это . . .

— Молчи, не твое дѣло! Глядите-ка, товарищи, здѣсь еще наши . . .

Въ самомъ дѣлѣ, съ противоположной стороны, къ тому дому, у котораго столпились гимназисты, подходила еще группа ихъ товарищей.

Съ ними налицо оказались тридцать шесть человѣкъ . . .

Ѳомина между ними не было.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

У больного учителя-друга.

Мальчики не сразу замѣтили отсутствіе этого своего товарища. Они всецѣло были во власти одной идеи, одного порыва . . .

— Господа, право-же, намъ нельзя всѣмъ итти къ Ѳедору Васильевичу! — серьезно сказалъ Владиміръ Смородинъ, первый ученикъ въ классѣ и по балламъ, и по поведенію, приведшій новую группу товарищей, — Кормилицынъ уже говорилъ это . . . Ѳедоръ Васильевичъ больной, подумайте только, ввалится такая орда . . .

— Словно Мамаево нашествіе! — вставилъ Курлаковъ, пользовавшійся въ классѣ репутаціей остряка.

— Именно, Мамаево нашествіе! — подхватили голоса. — Ну, какъ-же тогда быть?

— А такъ, какъ дѣлается вездѣ въ «цивилизованныхъ» странахъ: выберемъ изъ своей среды депутацію по числу насъ, отъ каждаго десятка по одному . . . — предложилъ Смородинъ. — Долгъ исполнили всѣ, какъ я вижу . . .

— Ѳомина нѣтъ съ нами! — раздался голосъ Степанова.

— Тридцать седьмого нѣтъ! — баскомъ добавилъ Макаровъ, — ужъ доберусь я до него . . .

Это открытіе произвело на мальчиковъ очень тяжелое впечатлѣніе.

— Никто, какъ онъ! — высказалъ угнетавшую всѣхъ мысль Курлаковъ.

— Не время, господа, теперь обсуждать этотъ вопросъ, — наставительно произнесъ Смородинъ, — оставимъ это пока . . . Согласны вы на мое предложеніе?

— Да, да! Согласны! Согласны! — закричали мальчики.

— Такъ кого-же вы изберете? Кончайте скорѣе . . . Мы начинаемъ обращать на себя вниманіе . . . Кого?

— Иди ты, Смородка, ты первый ученикъ!

— Принимаю и благодарю . . . Еще кого вы желаете?

— Пусть, господа, Брокъ идетъ! — выступилъ Кормилицынъ и взглядомъ показалъ Смородину и ближайшимъ товарищамъ на увѣчныя ноги бѣднаго товарища-калѣки.

Взглядъ этотъ былъ сразу-же понятъ всѣми мальчиками.

— Пусть Брокъ! — согласился Смородинъ, котораго тотчасъ-же поддержалъ Клейнъ.

— Онъ нѣмецкому не учится, — пробасилъ Макаровъ.

— Тѣмъ больше чести для Ѳедора Васильевича! — рѣшилъ Степановъ. — Даже и не его ученики спѣшатъ выразить ему свои чувства!

— Смородинъ, Брокъ! еще двухъ надо, — крикнулъ Кормилицынъ, — кого?

— Пусть Кормилицынъ — ввернулся Курлаковъ, — а съ нимъ вмѣстѣ Макаровъ, постоянная пятерка и постоянная единица . . .

— Ну, ужъ ты, — вступился, за себя Макаровъ — полегче . . .

— Да ты пойми, голова, какой тутъ символъ выходитъ: и здоровые, и увѣчные, и первые, и послѣдніе — всѣ явились.

— То-то! — успокоился «великовозрастникъ», — а то я надъ собой шутить не позволю . . .

Одинъ вопросъ былъ рѣшенъ. Сейчасъ-же выступилъ на очередь новый.

Его возбудилъ Курлаковъ.

— Депутаты пойдутъ, а мы что будемъ дѣлать? — спросилъ онъ товарищей, — по домамъ расходиться будто и обидно . . .

— Незачѣмъ и расходиться, разъ всѣ мы сюда собрались, — рѣшилъ Кормилицынъ, — здѣсь на улицѣ, параллельной этой, есть церковь, а при ней скверъ, тамъ и ждите насъ. Мы, вѣдь, у Ѳедора Васильевича пробудемъ очень недолго и прямо отъ него придемъ къ вамъ.

И это предложеніе было принято не безъ удовольствія.

Стояла ранняя осень; день выдался чудный, солнечный. Было даже и въ тѣни жарко. Возможность порѣзвиться и побѣгать на воздухѣ соблазняла всѣхъ.

Мальчики разошлись. Четверо «депутатовъ» направились подъ ворота большого угрюмаго дома, гдѣ была квартира старика Іогансена, остальные веселой гурьбой направились къ указанному Кормилицинымъ скверу. Да и пора было уже разойтись. Городовые подозрительно поглядывали на толпу подростковъ, недоумѣвая, что дѣлать съ такимъ скопищемъ дѣтей — оставить ихъ въ покоѣ, или попросить разойтись, хотя гимназисты соблюдали полный порядокъ и нисколько не мѣшали на панеляхъ прохожимъ.

Депутаты: Смородинъ, Кормилицынъ, Макаровъ и Брокъ, довольно смѣло вошли по лѣстницѣ въ четвертый этажъ. Домъ былъ порядочно грязный; лѣстницу, очевидно, мели рѣдко, тяжелый запахъ такъ и

билъ въ носъ мальчикамъ, пока они поднимались съ площадки на площадку. Чѣмъ выше поднимались они, тѣмъ все меньше и меньше у нихъ оставалось смѣлости, а когда они добрались до двери съ мѣдной дощечкой, на которой была вырѣзана знакомая фамилія любимаго учителя, рѣшимость чуть было совсѣмъ не оставила „депутатовъ». Они даже стали вопросительно переглядываться, какъ-бы ища другъ у друга ободренія. Храбрѣе и рѣшительнѣе всѣхъ оказался Смородинъ. Это былъ крѣпкій, коренастый подростокъ лѣтъ тринадцати — четырнадцати. Типическія черты великоросса такъ и выдѣлялись во всей его плотной, приземистой фигурѣ. Онъ былъ не высокъ ростомъ, но широкъ въ плечахъ, съ выдавшейся впередъ грудью, съ мускулистыми, мясистыми руками. Лицо его было почти круглое, съ крупными, неправильными чертами, носъ нѣсколько приплюснутъ, ротъ великъ, хотя и вполнѣ пропорціоналенъ, лобъ высокъ и выпуклъ. Въ сѣрыхъ глазахъ свѣтились умъ, не дѣтская энергія и славянское добродушіе. Первый ученикъ въ классѣ, Владиміръ Смородинъ, былъ въ то-же время прекраснымъ товарищемъ. Онъ любилъ и побѣгать, и пошумѣть, и посмѣяться, но для всего этого зналъ и мѣсто, и время. Въ гимназіи всѣ его любили. Товарищамъ онъ никогда не давалъ ничего «списывать»: ни задачъ по математикѣ, ни переводовъ, а старался помочь нуждающимся возможно толковымъ объясненіемъ того, что спрашивавшему было затруднительнымъ. При этомъ Смородинъ выказывалъ замѣчательное терпѣніе. Принимаясь объяснять товарищу, онъ не отставалъ до тѣхъ поръ отъ него, пока не убѣждался, что всѣ его объясненія вполнѣ усвоены. За это-то его любили и товарищи, и учителя, у которыхъ Смородинъ былъ на самомъ лучшемъ счету.

Теперь, замѣтивъ со стороны товарищей колебанія, Смородинъ поспѣшилъ отрѣзать имъ всякій путь къ отступленію. Съ этой цѣлью онъ прежде, чѣмъ кто-либо изъ его спутниковъ обмолвился хотя-бы однимъ словомъ, рѣшительно позвонился въ квартиру Ѳедора Васильевича.

На звонокъ открыла дверь сама супруга старика учителя Марѳа Игнатьевна. Увидавъ гимназистовъ, она какъ будто оторопѣла, смутилась, но Смородинъ поспѣшилъ прервать неловкое молчаніе.

— Простите за безпокойство, — обнажая голову, произнесъ онъ, — если не ошибаюсь, то мы видимъ предъ собою супругу многоуважаемаго Ѳедора Васильевича?

— Да, это я самая! — отвѣтила старушка, — войдите, пожалуйста, господа, прошу васъ, вотъ, сюда . . . въ гостиную . . . ужъ простите . . . Ѳеденька-то не совсѣмъ здоровъ . . .

— Да, мы это знаемъ . . . Насъ простите! — началъ говорить Смородинъ, — мы присланы, какъ депутаты, отъ всего третьяго класса, чтобы узнать о здоровьѣ дорогого нашего учителя . . .

Старушка вся просвѣтлѣла.

— Ужъ и не знаю, какъ и благодарить-то васъ, дѣточки, — полнымъ ласки и доброты голосомъ вдругъ заговорила она, — ничего особеннаго съ Ѳедоремъ Васильевичемъ . . . Зашибся онъ, а потомъ испугался . . . вѣдь, это въ третьемъ классѣ все съ нимъ приключилось? . . .

— Да, при насъ . . . Какъ мы всѣ перепугались! . . Такъ, вы изволите говорить, серьезной опасности нѣтъ? . . Слава Богу! Благодаримъ васъ . . . Отъ лица всего класса просимъ передать дорогому Ѳедору Васильевичу наше глубокое сожалѣніе о всемъ случившемся и наше сочувствіе къ нему . . .

Съ этими словами Смородинъ поднялся съ мѣста, давая этимъ знакъ товарищамъ, что визитъ конченъ.

Старушка всполошилась.

— Да, куда-же вы, дѣточки, — заговорила она, — останьтесь, я сейчасъ самоварчикъ поставлю, вареньица принесу, хотя чайку напейтесь, чего такъ спѣшить . . . а тамъ Ѳеденька проснется . . .

— Нѣтъ, позвольте уже намъ откланяться . . . Нашъ классъ въ полномъ составѣ ждетъ нашего возвращенія въ церковномъ скверѣ . . . Товарищи безпокоятся . . . Вѣдь, это такой неожиданный и ужасный случай . . . Если позволите только, я попрошу запомнить и передать дорогому Ѳедору Васильевичу наши фамиліи . . .

Онъ только что хотѣлъ назвать себя и товарищей, какъ изъ сосѣдней комнаты раздался голосъ самого больного:

— Марѳа Игнатьевна, кто это у насъ?

— Тсъ! Погодите минуточку! — удержала мальчиковъ Марѳа Игнатьевна, — Ѳеденька проснулся, я ему скажу сейчасъ . . . Онъ очень радъ будетъ . . . Ужъ простите, однихъ васъ оставлю . . .

Она поспѣшно удалилась.

— Къ тебѣ, Ѳедоръ Васильевичъ, дѣтки пришли, — услышали «депутаты» ея голосъ за стѣной.

— Дѣтки? — удивлено отвѣчалъ больной, — какія? Что-жъ ты меня не разбудила . . . Ахъ, старая!

— Изъ гимназіи . . . четверо гимназистиковъ . . . говорятъ «депутаты», о твоемъ здоровьѣ присланы отъ всего класса справиться . . .

Судя по тону голоса, старикъ взволновался.

— Что-же ты мнѣ, Марѳуша, раньше не сказала? Чего не будила? . . Какъ можно ихъ ждать заставлять . . . Сейчасъ . . . господа сейчасъ . . . Я къ вамъ — закричалъ онъ, — помоги мнѣ встать, Мар-

. . . Увидавъ мальчиковъ, старикъ заволновался, приподнялся на подушкахъ.

ѳуша. Охъ, не могу . . . Слабость . . . Что дѣлать . . . Господа, господа! Простите старику, если я васъ заставляю себя ждать . . . Проходите-ка сюда, ко мнѣ. . Безъ церемоніи . . . Дай-ка, дорогая, халатъ . . .

«Депутаты» были въ нерѣшимости. Они толклись на мѣстѣ, не зная, что дѣлать.

— Пойдемте, господа, — вывелъ ихъ изъ этого состоянія Смородинъ, — а то, право, неловко . . .

Онъ смѣло тронулся впередъ и первымъ вошелъ въ комнатку, одновременно бывшую для Ѳедора Васильевича и кабинетомъ, и спальнею.

Мальчиковъ сразу поразила перемѣна, происшедшая съ старикомъ.

Лицо Ѳедора Васильевича было блѣдное, безъ кровинки; глаза страшно впали, щеки осунулись, носъ заострился. Голова была обвязана мокрыми полотенцами.

Увидавъ мальчиковъ, старикъ заволновался; глаза его заблестѣли; онъ, забывъ о слабости, приподнялся на подушкахъ и закивалъ входящимъ головой, протягивая въ то-же время имъ руки.

— Радъ, счастливъ, друзья мои, — заговорилъ онъ, — не забыли старика въ бѣдѣ . . . Радъ . . . Жена мнѣ сказала, что вы явились депутатами? Какъ и отъ кого?

Ободренные ласковымъ пріемомъ мальчики поспѣшили разсказать все, какъ было.

— Такъ гдѣ-же остальные-то? — опять заволновался старикъ, — да какъ же это можно . . . всѣ-бы пришли, всѣ . . . Нѣтъ, нѣтъ! Исполните просьбу старика, пусть сходитъ кто-нибудь изъ васъ за прочими . . .

— Простите, Ѳедоръ Васильевичъ! — твердо сказалъ Смородинъ, — простите и позвольте на этотъ разъ ослушаться . . . Насъ всѣхъ тридцать шесть человѣкъ.

— Такъ что-же! Такъ что-же! Вы думаете, будетъ тѣсно, помѣстимся какъ-нибудь . . . Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ . . .

— Не въ этомъ дѣло, Ѳедоръ Васильевичъ, а всѣмъ намъ нельзя, никакъ нельзя . . . Мы уполномочены — мы и передадимъ товарищамъ отъ вашего имени все, что вы поручите намъ сказать имъ, а всѣмъ невозможно, я противъ этого . . .

Ѳедоръ Васильевичъ на мгновеніе задумался.

— Я думаю, Смородинъ, зная ваше всегдашнее благоразуміе, — сказалъ онъ, — что вы имѣете на это какую-нибудь свою причину, а потому и не настаиваю . . . но теперь прошу васъ, друзья мои, — вы, вѣдь, были очевидцами, — подробно разсказать, что такое случилось со мной, какъ это вышло, что я могъ упасть?

— Стулъ подпиленъ былъ! — выпалилъ молчавшій до того Макаровъ, не замѣтивъ знаковъ, которые дѣлали ему Смородинъ и Кормилицынъ.

— Какъ подпиленъ? Что вы? — искренно удивился Ѳедоръ Васильевичъ.

Макаровъ понялъ, что сдѣлалъ оплошность, и смущенно замолчалъ. Молчали и остальные. Іогансенъ замѣтилъ это и встревожился.

— Вы что-то скрываете отъ меня, друзья мои, — заговорилъ онъ, — такъ прошу васъ, не томите старика . . . Смородинъ, Кормилицынъ, Брокъ! Пожалуйста! Въ чемъ дѣло?

Смородинъ сперва нахмурился, но потомъ махнулъ рукой.

— Разъ ужъ если Макаровъ проговорился, молчать нечего, — вымолвилъ онъ, — ножка у стула была, дѣйствительно, подпилена, Ѳедоръ Васильевичъ . . .

— Не можетъ быть! Зачѣмъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ мальчикъ и по возможности подробно разсказалъ старику все, что произошло

въ классѣ. — Какой негодяй это сдѣлалъ, мы не знаемъ — закончилъ онъ, но увѣрены, что его нѣтъ среди тѣхъ, кто явился узнать о вашемъ здоровьѣ.

Старый учитель внимательно слушалъ разсказъ Смородина.

Когда мальчикъ кончилъ, Іогансенъ заговорилъ не сразу. Нѣсколько минутъ длилось томительное молчаніе. «Депутаты» чувствовали себя очень неловко и съ укоризной поглядывали на Макарова, который, сознавая сдѣланную имъ неловкость, сидѣлъ, какъ говорится, «что въ воду опущенный».

— Да, друзья мои, — вымолвилъ, наконецъ, Өедоръ Васильевичъ, — если это все такъ, какъ вы говорите, то эта очень злая и непристойная шалость . . . И знаете что? Я увѣренъ, что шалунъ не предусмотрѣлъ тѣхъ послѣдствій, какія могла имѣть его выходка . . . Это такъ! Развѣ можно предположить, чтобы человѣкъ человѣку безъ всякой нужды, безъ всякой причины захотѣлъ сдѣлать зло? Нѣтъ, никогда я не повѣрю ничему подобному! Я шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ живу на землѣ и не знаю случая, чтобы человѣкъ вредилъ другому, такъ сказать, изъ любви къ искусству. Да еще какой человѣкъ? Только еще начинающій жить . . . Правда, бываетъ, — и вамъ это придется испытать на себѣ, можетъ быть, — жизнь озлобляетъ людей, — но, вѣдь, когда? Когда они борются съ нею изо всѣхъ силъ и чувствуютъ, что побѣда не на ихъ сторонѣ. У людей-же вашего возраста ничего подобнаго быть не можетъ. Вы еще не выступали на жизненное поприще, вамъ еще не приходилось вести борьбу съ жизнью, стало быть, и безпричиннаго озлобленія быть въ васъ не можетъ . . . Отсюда ясно, что въ данномъ случаѣ мы дѣло имѣемъ не съ злымъ умысломъ, а съ необдуманной шалостью, а разъ это такъ, шалуна слѣдуетъ про-

стить, онъ и такъ довольно наказанъ страхомъ . . . Вѣдь, ему плохо-бы пришлось, если-бы его продѣлка открылась . . . Сердце-то у бѣдняги, поди, какъ замирало . . . Одно мнѣ очень непріятно, — нераскаяніе виновнаго . . . Что дѣлать! съ кѣмъ грѣха не бываетъ, но умѣешь грѣшить, умѣй и каяться въ грѣхѣ . . . Правда это, что совѣсть самый страшный мститель, и я хотѣлъ-бы знать автора этой шалости, но только для того, чтобы успокоить его, облегчить его душу, а вину его мы забудемъ . . . Богъ его прости, какъ я прощаю . . .

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Бесѣда.

Говоря такъ, добрый старикъ весь сіялъ. Даже блѣдность какъ будто начала пропадать, и лицо мало-по-малу принимало прежній землистый цвѣтъ.

— И такъ, друзья мои, прошу васъ, забудемъ объ этомъ . . . Что было, то прошло, такъ пусть уже по нашей родимой пословицѣ и быльемъ порастетъ . . . А признаться сказать, не на шутку я перепугался, какъ падалъ . . . Знаете, какая у меня мысль была? Я думалъ, землетрясеніе; въ самомъ дѣлѣ, такъ! Вотъ, вѣдь, какъ у страха глаза-то велики! . . Ну, думаю, конецъ всему! И жалко мнѣ такъ всего сдѣлалось . . . Бѣлый свѣтъ хорошъ, несказанно хорошъ, и все на немъ хорошо. Правдива та теорія, которая гласитъ, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ!

— Позвольте васъ спросить, — воспользовался остановкой старика на этой фразѣ Смородинъ, — извините, что перебилъ . . .

— Ничего, ничего, дорогой мой! Что вы хотите сказать? Спрашивайте, смогу — отвѣчу.

— Я хотѣлъ спросить васъ по поводу вашей фразы о правдивости теоріи, что все къ лучшему . . . Неужели это справедливо?

— А то какъ-же, другъ мой. Конечно, справедливо . . .

— Неужели болѣзни, несчастія, бѣдствія — все это къ лучшему . . . Оспаривать не могу, но не понимаю...

Ѳедоръ Васильевичъ взглянулъ на него съ доброй, ласковой улыбкой.

— Именно къ лучшему! Возьмите, друзья мои, нѣсколько минутъ терпѣнія и послушайте, что я вамъ скажу. Все въ нашей жизни на землѣ поочередно смѣняется одно другимъ. Болѣзнь смѣняется выздоровленіемъ, бѣда — счастіемъ, горе и печаль — радостью. А знаете-ли, для чего устроилъ это такъ всемогущій Господь? Затѣмъ, чтобы всякое счастье, будь то радость, довольство, возстановленіе здоровья послѣ болѣзни, было полнѣе, еще счастливѣе такъ сказать. Поясню это вамъ на самомъ простомъ примѣрѣ. Есть у васъ другъ или братъ. Вы живете съ нимъ душа въ душу, безъ ссоръ, въ полномъ согласіи. Въ вашей дружбѣ — ваше счастье. И, вотъ, судьба разлучаетъ васъ. Уже при одномъ только извѣстіи о предстоящей разлукѣ, вамъ дѣлается не по себѣ, на сердцѣ становится тяжело. Наконецъ, вашъ другъ уѣзжаетъ, покидаетъ васъ. Вы уже чувствуете, что вся ваша жизнь измѣнилась, и измѣнилась къ худшему. Вамъ не достаетъ именно присутствія вашего друга. Вы скучаете, тоскуете, начинаете горевать день ото дня все сильнѣе и сильнѣе. И вотъ вы опять встрѣчаетесь съ покинувшимъ васъ другомъ. Развѣ послѣ встрѣчи вы не счастливы? Развѣ вы не чувствуете себя гораздо болѣе счастливымъ, чѣмъ въ то время, когда вашъ другъ былъ при васъ безотлучно? Скажите, дорогіе мои, развѣ это не такъ?

— Совершенно вѣрно, Ѳедоръ Васильевичъ, — вступился Макаровъ, — у насъ какъ-то Жучку фурманщики увели. И чего-бы, кажется? — самая простая собаченка — дворняжка, а не только что, такъ даже папаша не по себѣ себя чувствовалъ. На что онъ у насъ жмотъ, а и то на цѣлую трешницу разорился, чтобы Жучку вернуть; какъ привели ее — всѣ такъ у насъ и повеселѣли, будто родственникъ какой на побывку пріѣхалъ.

Всѣ, даже Ѳедоръ Васильевичъ, засмѣялись этому наивному подтвержденію только что высказанной мысли о счастьѣ.

— Вотъ, видите — весело потирая руки, снова заговорилъ старикъ, — даже нашъ добрый другъ Макаровъ подтвердилъ на практическомъ примѣрѣ, взятомъ прямо изъ жизни, справедливость моихъ словъ. Я-же думаю, всѣ испытали то чувство, о которомъ я только что говорилъ.

— Только это не всегда такъ бываетъ? — перебилъ Ѳедора Васильевича польщенный его вниманіемъ Макаровъ, — да и быть не можетъ!

— Ну-же, ну же . . . Опровергните-ка?

— Да, вотъ, примѣрно сказать, вы Ѳедоръ Васильевичъ, упали, разбились, васъ замертво домой снесли, больно вамъ было? Такъ какое уже тутъ счастье . . .

— А вы думаете — нѣтъ, Макаровъ? анъ вотъ вы и ошиблись, добрый мой юноша; и этотъ примѣръ какъ нельзя лучше подтверждаетъ ту теорію о счастьѣ, ярымъ сторонникомъ которой я себя считаю. Вотъ, поглядите, вы сами-же говорите, что всѣ остальные ваши товарищи ожидаютъ теперь васъ, чтобы узнать о моемъ здоровьѣ. Что ихъ привело сюда? Что ихъ заставило спѣшить не въ семью, гдѣ всѣхъ васъ ждетъ добрые отецъ, мать, братья, сестры, то-

варищи, гдѣ ждетъ васъ вкусный обѣдъ, отдыхъ, игры, а ко мнѣ? Я вижу, что вы отвѣтите сейчасъ: «Насъ привело желаніе узнать о здоровьѣ Ѳедора Васильевича, съ которымъ случилось несчастіе». Такъ, вѣдь? Въ этомъ-же желаніи видно ваше участіе ко мнѣ, почти чужому вамъ старику. Сознаніе-же того, что ты внушаешь такому большому количеству людей подобное чувство — есть счастіе. Такимъ образомъ, ясно, что судьба путемъ ничтожной бѣды подарила мнѣ нѣсколько истинно счастливыхъ минутъ, испытываемыхъ мною теперь. Итакъ, не бывать-бы счастью, да несчастье помогло. Опять, изъ практическаго жизненнаго примѣра видно, что теорія: «Все къ лучшему» вполнѣ справедлива.

Ѳедоръ Васильевичъ на минуту смолкъ, ожидая замѣчаній или возраженій, но на этотъ разъ молодые «депутаты» молчали.

— Такъ, друзья мои дорогіе, все на свѣтѣ, всякое счастье познается только черезъ несчастье, черезъ страданіе. Всякое страданіе — это ближайшій путь къ счастью. Запомните это и въ свободное время подумайте надъ тѣмъ, что я сказалъ вамъ. Обрѣжете вы себѣ палецъ — вамъ больно, но когда палецъ заживетъ и вы перестанете чувствовать боль, въ отсутствіи ея кроется, можетъ быть, и очень маленькое, но во всякомъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствующее размѣрамъ бѣды — счастье; не приготовите вы урока и получите дурную отмѣтку — это бѣда, несчастіе, потому что и самому на себя въ этомъ случаѣ досадно, да и родители за дурной баллъ не хвалятъ. А между тѣмъ дурная отмѣтка даже самаго лѣниваго заставляетъ поинтересоваться, за что именно она получена. Невольно лѣнивецъ заглянетъ въ книгу, найдетъ тамъ отвѣтъ на тотъ вопросъ, на который онъ не могъ отвѣчать самъ, прочтетъ этотъ отвѣтъ повнимательнѣе

и невольно запомнитъ его. Запомнитъ, — стало быть, получитъ знаніе. Всякое-же знаніе — это счастье . . .

Старикъ хотѣлъ было продолжать свою рѣчь, но его остановилъ рѣзкій звонокъ въ передней.

— Вотъ и еще кого-то Богъ даетъ въ добрый часъ — улыбнулся Өедоръ Васильевичъ.

Между тѣмъ въ передней мужской голосъ дружески разспрашивалъ Марфу Игнатьевну о здоровьѣ ея мужа.

Мальчики страшно перепугались, услыхавъ голосъ: они узнали въ говорившемъ своего классного наставника.

Бѣлковъ, войдя, прежде всего обратился къ гимназистамъ.

— Что это значитъ, господа? — заговорилъ онъ, — я только что видѣлъ въ церковной оградѣ весь третій классъ, здѣсь-же застаю васъ четырехъ. . . Это похоже на какую-то манифестацію, что, какъ вамъ должно быть извѣстно, строжайше воспрещается гимназическими правилами . . .

Мальчики смущенно глядѣли другъ на друга.

— Что-же вы, господа, молчите? — снова спросилъ классный наставникъ.

— Мы, Иванъ Васильевичъ, явились узнать о здоровьѣ Өедора Васильевича, — смѣло отвѣчалъ Смородинъ.

— А тѣ — въ оградѣ? Тѣ чего ждутъ?

— Тѣ товарищи ждутъ насъ!

— Ага, вы, стало быть, являетесь чѣмъ-то въ родѣ депутаціи?

— Нельзя-же было прійти всѣмъ, Иванъ Васильевичъ?

— Это совершенно вѣрно; но прежде, чѣмъ являться сюда, вы-бы должны были попросить позволенія у вашего гимназическаго начальства.

— Откровенно говоря, мысль навѣстить Ѳедора Васильевича явилась внезапно . . .

— Да что-же тутъ худого? — вмѣшался Іогансенъ. — Пришли дѣти къ больному старику, ну, и спасибо имъ за память, а вы ихъ-же распекаете . . .

— Вы уже, Ѳедоръ Васильевичъ, вѣчный ихъ заступникъ . . . Вѣрно, они вамъ разсказали причину вашего паденія . . . Неужели и послѣ этого вы будете заступаться за нихъ . . .

— Больше, чѣмъ когда-либо! — горячо воскликнулъ больной, — да и какъ не заступаться. Вѣдь, это, вспомните, другъ мой, кто? Это — будущіе граждане и сыны земли русской!

— Хороши граждане, подпиливающіе стулья и не имѣющіе духу сознаться въ совершенной гадости . . . Что-же всѣ вы пришли? — спросилъ Бѣлковъ, какъ будто вскользь.

Смородинъ на мгновеніе замялся, но поспѣшилъ оправиться и отвѣчалъ:

— Всѣ!

— И Ѳоминъ съ вами?

— Не знаю . . . Кажется . . .

— Ѳомина нѣтъ, — неожиданно заговорилъ Макаровъ, — насъ пришло только тридцать шесть . . .

— Вотъ, какъ! . . А онъ гдѣ-же?

— Мы его и не видали . . .

— Гмъ . . . Ну, ступайте по домамъ, ваши родители и то, я думаю, безпокоятся о васъ!

Мальчики, простившись съ обоими наставниками, ушли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Смородинъ и Ѳоминъ.

Володя Смородинъ жилъ съ семьей на дачѣ совсѣмъ на противоположной окраинѣ того большого города,

гдѣ была N-ская гимназія. Ему, пока семья не перебралась еще въ городъ на зимнія квартиры, каждый день приходилось проводить болѣе трехъ четвертей часа пути въ одинъ конецъ; но мальчикъ нисколько не утомлялся этою дорогою. Утромъ, идя въ гимназію, онъ повторялъ во время пути уроки, заданные на этотъ день; послѣ гимназіи, добираясь до дому, онъ отдыхалъ въ теченіе трехъ четвертей часа, которые ему приходилось идти. Въ этотъ день, едва давъ отчетъ товарищамъ объ исполненіи возложеннаго на «депутацію» порученія, онъ заспѣшилъ домой. Лицо его было при этомъ необыкновенно серьезно, брови то и дѣло нахмуривались, губы были плотно сжаты. Очевидно, имъ овладѣла какая-то совершенно новая идея, мучившая и угнетавшая его.

Товарищи, выслушавъ разсказъ «депутатовъ» объ ихъ посѣщеніи больного учителя, поспѣшили разойтись — было уже порядочно поздно: пятый часъ, и каждому хотѣлось скорѣе попасть домой.

За Смородинымъ хотѣлъ было увязаться Курлаковъ, которому было по пути съ нимъ, но мальчикъ отклонилъ предложеніе товарища и, чего никогда съ нимъ не бывало, нанялъ извозчика, желая поскорѣе добраться до дому.

Смородинъ былъ круглый сирота. Ни отца, ни матери онъ даже не помнилъ. Жилъ онъ у богатаго дяди, человѣка, хотя и любившаго его, но все таки чужого, старавшагося доставлять мальчику только обыкновенныя жизненныя удобства и нисколько не думавшаго о воспитаніи его духа. Однако это было пожалуй даже къ лучшему для мальчика. Дядя Смородина и тетка были очень добрые люди, но ни тотъ, ни другая не имѣли прочныхъ жизненныхъ устоевъ. Они родились на свѣтъ богатыми людьми, никогда не знали необходимости добывать себѣ «хлѣбъ насущ-

ный» и потому вездѣ на жизненномъ пути видѣли однѣ только розы и никогда не помышляли о терніяхъ. Если-бы они подчинили своему вліянію Володю, который являлся ихъ единственнымъ наслѣдникомъ, то изъ мальчика вышелъ-бы такой-же, какъ и его воспитатели, легкомысленный человѣкъ; но дядя и тетка мало обращали вниманія на племянника. Володя съ малыхъ лѣтъ былъ предоставленъ самому себѣ и потому его характеръ былъ совершенно свободенъ отъ какихъ-бы то ни было вліяній. Постоянное одиночество выработало въ мальчикѣ совершенно особое міросозерцаніе. Онъ никогда ни о чемъ не судилъ, не обдумавъ сперва всего, что зналъ о томъ или другомъ явленіи, предметѣ, человѣкѣ. Во все, что онъ видѣлъ, слышалъ, читалъ, Володя старался вдумываться, старался разобрать малѣйшія подробности и уже по найденнымъ частямъ составлялъ свое собственное понятіе о цѣломъ. Оттого всѣ его сужденія, несмотря на возрастъ, были оригинальны, мѣтки, и, если иногда бывали ошибочны, то только потому, что мальчикъ былъ еще мало знакомъ съ жизнью и о многомъ на тернистомъ жизненномъ пути не имѣлъ еще яснаго представленія.

Теперь мозгъ Смородина усиленно работалъ надъ одной мыслью.

Онъ почти былъ увѣренъ, что виновникомъ печальнаго происшествія этого дня былъ никто иной, какъ Антонъ Ѳоминъ.

Объ этомъ говорило все: и его кажущееся спокойствіе, и отсутствіе среди товарищей, отправившихся навѣстить учителя; но въ то-же время Володю мучилъ вопросъ: если это сдѣлалъ Ѳоминъ, то зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

«Нѣтъ дыма безъ огня, нѣтъ слѣдствія безъ причины — размышлялъ Смородинъ, — но какая причина заставила Ѳомина рѣшиться на эту гадость?»

Однако, сколько онъ ни думалъ на эту тему, ни къ какому опредѣленному выводу прійти не могъ . . .

Слѣдствіе было на лицо, причина оставалась неизвѣстною . . .

Тогда Смородинъ принялся вспоминать все, что зналъ о Ѳоминѣ и объ его семьѣ.

Въ семейномъ своемъ положеніи Ѳоминъ представлялъ совершенно исключительный случай.

Смородинъ былъ круглый сирота, Ѳоминъ тоже. Только между ними была огромная разница. Смородинъ жилъ хотя и у легкомысленныхъ, но все-таки близкихъ кровныхъ родственниковъ, любившихъ мальчика. У Ѳомина никого близкихъ на свѣтѣ не было. Судьба устроила такъ, что, вмѣсто отца и матери, дала ему вотчима и мачеху. Отецъ Ѳомина умеръ, когда мальчикъ только что родился. Мать Антона поспѣшила выйти замужъ и тоже умерла, когда ея сыну шелъ второй годъ. Вотчимъ вначалѣ очень любилъ пасынка, но въ свою очередь вскорѣ женился самъ. Мачеха сперва относилась къ Антону очень милостиво и баловала его безъ конца. Антонъ помнилъ себя двухлѣтнимъ мальчикомъ. Его чудные огненные волосы были отпущенны такъ длинно, что ихъ приходилось заплетать въ косы, чтобы они не путались. Мачеха находила, что такъ красивѣе. Она нисколько не думала, что головѣ ребенка подъ такой копной волосъ жарко, что кожа постоянно потѣетъ. Женщина она была не злая, въ то время искренно желала добра маленькому Тосѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не терпѣла, чтобы кто-нибудь мѣшалъ ея капризамъ. Ей казалось, что мальчикъ съ заплетенными, какъ у дѣвочки, косами выглядитъ красивѣе, и этого было достаточно, чтобы головка Тоси была украшена своеобразной прической. А Тося мучился. Ему страшно совѣстно было показаться на улицу. Всѣ, и

взрослые, и товарищи игръ, считали его «дѣвочкой», благодаря заплетеннымъ косичкамъ. Глумленіе злобнаго и мстительнаго отъ природы ребенка выводило изъ себя. Онъ кидался съ своими крохотными кулаченками на дѣтей, превосходившихъ его возрастомъ и силами, если они только начинали дразнить его. Замѣчанія взрослыхъ, что «Тося похожъ на дѣвочку», озлобляли его душу. Какъ ни малъ былъ ребенокъ, а уже началъ тяготиться своимъ положеніемъ. Въ его дѣтскомъ мозгу зародилась страшная для его возраста мысль, что всѣ люди кругомъ его — враги. Такъ оно и выходило, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія только еще начавшаго сознательно жить ребенка. Его пичкали лакомствами, когда ему ихъ не хотѣлось, и называли злымъ, если онъ отказывался. Въ то же время онъ часто оставался голоднымъ, потому что вотчимъ и мачеха вели широкую жизнь и, гонясь за удовольствіями, забывали о чужомъ для нихъ ребенкѣ. Его одѣвали въ красивое выходное платьеце, и подъ этимъ платьецемъ оставалась недѣлями несмѣненная рубашка. Впрочемъ, всетаки недостатка во вниманіи не было ни со стороны вотчима, ни со стороны мачехи. Это вниманіе выражалось безтолково, безпорядочно, но все таки оно было. Тосѣ кое-какъ да жилось. Такъ было, пока у Тосиной мачехи не пошли свои дѣти. Съ этимъ все перемѣнилось. Никаноръ Лукичъ и Марья Петровна Залѣсовы будто забыли чужого ребенка. Все исчезло: и прежнее баловство, и прежняя ласка. Пріемышъ будто перестал существовать для Залѣсовыхъ. Заявлялъ онъ о себѣ, его кормили, не показывался на глаза — оставался голоднымъ. Изъ дѣтской Тося попалъ въ людскую. Прислуга знала, какъ относятся хозяева къ этому ребенку, и не стѣснялась съ нимъ. Мальчикъ зналъ все, что происходило въ людской, слышалъ

такіе разговоры, какихъ не приведи Богъ слышать кому-либо изъ дѣтей. Отъ слугъ онъ пріучился скрытничать, притворяться, лукавить. И безъ того характеръ, въ которомъ злыя начала преобладали надъ добрыми, портился. Чѣмъ дальше росъ Тося, тѣмъ все болѣе и болѣе озлобленнымъ становился онъ, но все это было еще цвѣточки въ его жизни . . .

Семья у Залѣсовыхъ съ каждымъ годомъ все росла и росла. Нерасчетливая жизнь между тѣмъ уносила быстро средства къ существованію. Наконецъ, эти средства истощились. Никанору Лукичу волей-неволей приходилось приниматься за работу, трудиться, чтобы достать кусокъ насущнаго хлѣба. А къ труду Залѣсовъ не былъ привыченъ. Жизнь его сложилась такъ, что до этихъ поръ въ трудѣ нужды не было. Никаноръ Лукичъ растерялся, когда пришлось стать лицомъ къ лицу съ такимъ грознымъ, безпощаднымъ врагомъ, какъ жизнь. Онъ смалодушничалъ, уклонился отъ всякой борьбы, принялся, какъ говорится, «топить горе въ винѣ» и жизнь его семьи стала положительно несносною. Марья Петровна тоже озлобилась и всю свою злобу вымещала на ни въ чемъ не повинномъ Тосѣ, котораго считала лишнимъ ртомъ, отнимающимъ хлѣбъ у ея дѣтей . . . Жизнь мальчика день ото дня становилась все болѣе и болѣе невыносимой . . .

А между тѣмъ Тося имѣлъ всѣ права на то, чтобы Залѣсовы, хотя бы изъ чувства справедливости, не считали его въ своей семьѣ «лишнимъ ртомъ» . . .

Дѣло въ томъ, что родной отецъ Тоси былъ человѣкъ состоятельный. Умирая, онъ оставилъ весь капиталъ женѣ, вполнѣ увѣренный, что отъ нея все впослѣдствіи перейдетъ сыну. Вышло иначе. Права сына ничѣмъ не были оговорены въ духовномъ завѣщаніи, напротивъ того, вдова Ѳомина по смыслу за-

вѣщанія являлась единственной наслѣдницей. Она и распорядилась наслѣдствомъ по своему. Выходя вторично замужъ, весь капиталъ, все что осталось отъ отца Тоси, она передала своему второму мужу . . . Тотъ, конечно, не отказался, а когда послѣ смерти матери Тоси женился снова, тратилъ его состояніе, на которое имѣлъ всѣ права его пасынокъ, какъ свое собственное . . . Конечно, Тося былъ малъ, не понималъ ничего этого, но когда подросъ, его не замедлили просвѣтить на этотъ счетъ въ той-же людской, гдѣ онъ буквально дневалъ и ночевалъ . . . Тося понялъ, что вотчимъ и мачеха живутъ въ свое удовольствіе на его деньги, но что онъ могъ подѣлать? Какъ-то въ припадкѣ злобнаго гнѣва онъ кинулъ упрекъ въ этомъ мачехѣ, она упала въ обморокъ и заставила своего мужа жестоко высѣчь пасынка. Тося послѣ этого смирился. Но это смиреніе было напускное. Въ сердцѣ его рокотала злоба, страшная злоба, не дѣтская, но вся она скрылась подъ личиной безстрастія. Вскорѣ и спасать было уже нечего. Веселой жизни пришелъ конецъ. Никаноръ Лукичъ, однако, на послѣдокъ сжалился надъ разоренным имъ мальчикомъ и отдалъ его въ приготовительный классъ N-ской гимназіи. Но только въ первый годъ онъ заплатилъ за ученье. Почему его не исключили за неплатежъ въ первомъ и во второмъ классѣ, когда его имя постоянно было въ томъ спискѣ, гдѣ значились неисправные плательщики, Тося не зналъ. Одно только ему было извѣстно, что, послѣ приготовительнаго класса, вотчимъ, къ тому времени совершенно опустившійся, не вносилъ въ гимназію ни копѣйки. Антонъ часто старался разрѣшить эту загадку, но не могъ и, перейдя въ третій классъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ, что будетъ теперь, — исключатъ его за неплатежъ или нѣтъ . . . А злоба между тѣмъ все болѣе

и болѣе разросталась въ его душѣ. Онъ былъ такъ-же свободенъ въ своихъ поступкахъ, какъ и Смородинъ, но эту свободу онъ употреблялъ совершенно по-другому — чтобы воспитывать и закалять въ себѣ свое злобное чувство, чтобы готовиться къ мести всѣмъ за вину одного . . .

Таковъ былъ Антонъ Ѳоминъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Тридцать седьмой.

Смородинъ и Ѳоминъ были почти что сосѣдями.

Отъ прежней роскоши у Залѣсовыхъ осталась небольшая дачка подъ городомъ. Здѣсь все обѣднѣвшее семейство жило круглый годъ, перебираясь на лѣто въ надворный амбаръ, а дачу уступая постороннимъ. Смородины жили не подалеку отъ Ѳоминыхъ.

Володя, возвратившись домой, наскоро пообѣдалъ и сейчасъ-же отправился изъ дому. Онъ хотѣлъ во чтобы-то ни стало отыскать Ѳомина. Это ему удалось не сразу. Антонъ не имѣлъ товарищей; онъ самъ сторонился отъ нихъ и полное одиночество предпочиталъ всякому обществу сверстниковъ.

Однако, Смородинъ зналъ, гдѣ найти товарища. За дачнымъ мѣстечкомъ было озеро съ очень крутыми берегами, спускавшимися къ водѣ почти что обрывами. Все озеро по берегамъ окаймлялъ густой лѣсъ, въ который рѣдко кто заходилъ изъ дачниковъ, не смотря на то, что мѣсто было очень красивое. Дѣло было въ томъ, что на озерѣ никакъ нельзя было устроить катанья на лодкахъ. Мѣшали не одни только берега. Само озеро было очень глубоко, и на днѣ его было множество ключей, бившихъ съ такой силой, что на поверхности кое-гдѣ ясно были замѣтны водовороты. Неосторожный, упавъ съ лодки, рисковалъ

вѣрной гибелью. Одна вода, холодная даже въ самые жаркіе дни, способна была сразу парализовать всѣ движенія попавшаго въ нее человѣка. Водовороты же, безъ сомнѣнія, легко могли затянуть его въ бездну. И вотъ, чтобы предупредить вполнѣ возможное несчастіе, мѣстныя власти строго на строго воспретили катанье на лодкахъ, а поэтому у дачниковъ пропало всякое желаніе къ прогулкамъ въ этомъ дикомъ мѣстѣ.

Но Ѳомину была по душѣ эта дикость, это безлюдье . . .

Эта глушь вполнѣ соотвѣтствовала его обычному настроенію.

Здѣсь, на крутизнахъ, онъ чувствовалъ себя совершенно легко . . .

Люди были отъ него далеко, вокругъ не слышно было ни малѣйшаго звука, кромѣ постояннаго шелеста листьевъ. Лѣсъ на берегахъ былъ мрачно-прекрасенъ; вода въ озерѣ, тихая и покойная, таила въ себѣ смерть. Мрачно настроенный мальчикъ проводилъ здѣсь все свое время, и эти часы были счастливѣйшими въ его не долгой жизни.

Смородинъ не ошибся . . .

Едва только онъ вышелъ изъ лѣсу, какъ увидалъ на берегу, на самомъ обрывѣ, Ѳомина, растянувшагося во весь ростъ на травѣ.

Мальчикъ былъ почти раздѣтъ, его блузка и рубашка сушились тутъ-же на послѣднихъ лучахъ заходившаго солнца.

Услыхавъ трескъ сухихъ вѣтвей подъ ногами подходившаго Смородина, Ѳоминъ лѣниво обернулся и взглянулъ на товарища. Однако, онъ не сказалъ ни слова и тотчасъ-же принялъ прежнюю позу. Володя подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ. Ѳоминъ не обратилъ на это вниманія и даже не обмолвился ни од-

нимъ словомъ. Этотъ пріемъ сильно смутилъ Смородина, хотя онъ и зналъ нелюдимый характеръ товарища. Слишкомъ ужъ щекотливъ былъ тотъ вопросъ, который онъ намѣривался возбудить, чтобы приступить къ нему сразу . . .

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оба товарища молчали.

Наконецъ, обычная рѣшительность пришла на помощь Смородину, и онъ началъ первымъ разговоръ.

— Ѳоминъ! — заговорилъ сразу Володя, — вѣдь, это ты!

Антонъ чуть-чуть повернулъ голову и искоса взглянулъ на товарища.

— Что я? — въ свою очередь безъ всякаго, однако, волненія спросилъ онъ.

— Это ты сегодня въ классѣ подпилилъ ножку у учительскаго стула . . .

— А тебѣ-то что? — послѣдовалъ новый вопросъ.

— Какъ что? — возмущаясь этимъ полупризнаніемъ, воскликнулъ Смородинъ, — какъ что, Ѳоминъ? Вѣдь, это Ѳоминъ, гадко, подло, это недостойно человѣка . . .

— Ишь ты какъ твердо заучилъ прописи . . . Не даромъ въ прошломъ году у Николая Христіановича все пятки получалъ за чистописаніе! — не скрывая нисколько своей насмѣшки, отвѣтилъ мальчикъ.

— Постой, Антонъ, не шути! Я хочу съ тобой говорить серьезно . . .

— Чего тебѣ со мной говорить! Я тебя не задѣваю! Если ты такъ увѣренъ, что это я сдѣлалъ, такъ чего-же ты не объяснилъ этого, ну, хотя-бы Дмитрію Ильичу . . . Авось-бы за фискальство къ твоей пятеркѣ за поведеніе — ну, еще плюсъ что-ли прибавили ...

— Оставь, Ѳоминъ! Я тебя прошу . . . Мы съ тобой идемъ съ приготовительнаго, не разставаясь . . .

развѣ я былъ когда-нибудь фискаломъ? скажи, Ѳоминъ, былъ?

— Отстань!

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, былъ?

— Ну, не былъ, такъ будешь . . . Всѣ вы одинаковы . . .

— Чѣмъ кто будетъ, этого на свѣтѣ никто не знаетъ . . .

— Опять пропись! Какъ ты мнѣ надоѣлъ . . .

— Не пропись, а ты мнѣ скажи, кто это сдѣлалъ? Ты? . .

— Убирайся, или я уйду . . . И здѣсь-то покою нѣтъ . . . Вотъ муха! Мухи надоѣдливыя! Что тебѣ за дѣло!

— Я не допытываюсь, Ѳоминъ, я по товарищески . . . право-же, по товарищески . . . Ну, скажи, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

Антонъ вполовину обернулся къ товарищу и поглядѣлъ на него въ упоръ.

— А ты, Смородинъ, когда кончишь гимназію, въ университетъ? . .

Володю не на шутку смутилъ этотъ совершенно неотносившійся къ ихъ разговору вопросъ товарища.

— Въ медицинскую . . . впрочемъ, не знаю . . . можетъ быть, и въ университетъ. . .

— Совѣтую тебѣ въ университетъ и непремѣнно по юридическому . . .

— А что? . .

— Такъ. Изъ тебя прекрасный слѣдователь можетъ выйти . . . Право, выйдетъ! Только нужно сперва сознанія добиться, а потомъ уже и спрашивать за чѣмъ то-то сдѣлано . . . Поучись да попрактикуйся, а то мелко еще плаваешь, братъ, вотъ что!

Слова свои Ѳоминъ сопровождалъ громкимъ злобнымъ смѣхомъ.

Смородинъ опѣшилъ. Онъ не того ожидалъ отъ бесѣды съ товарищемъ.

— Ну, хорошо, Ѳоминъ, я не буду тебя болѣе спрашивать! . . — сказалъ онъ.

— И прекрасно сдѣлаешь!

— Но ты не можешь мнѣ запретить разсказывать тебѣ . . .

Ѳоминъ пожалъ плечами.

— Болтай языкомъ, если не лѣнь, наскучитъ слушать — уйду . . .

— Куда ты убѣжалъ, когда насъ послѣ классовъ распустили?

— Странный вопросъ! Конечно-же, домой, а то куда-же еще?

— Напрасно ты это сдѣлалъ, Ѳоминъ! Изъ гимназіи мы всѣмъ классомъ пошли прямо къ Іогансену . . .

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю . . . То-то былъ радъ, я думаю . . . Вареньецемъ, да булочками сладенькими, небось, угощалъ . . . а? Вы, поди, и накинулись . . . Забыли, что нѣмцу самому отъ жадности ѣсть нечего . . .

— Насъ не угощали ничѣмъ, да и дѣло не въ угощеніи . . .

— А въ чемъ-же, позвольте спросить?

— Въ томъ, что насъ было только тридцать шесть ...

— Ну, что-жъ такое?

— То, что тридцать седьмого не было . . . Вспомни, что говорилъ про тридцать седьмого Костыревъ.

— Это ты хочешь другими словами сказать, что «на ворѣ шапка загорѣлась»? Что-же? Говори, говори, что тебѣ угодно! Мнѣ все равно . . . Я уже обтерпѣлся!

— Ничего я этимъ не хочу сказать, Ѳоминъ, предупреждаю только, что твое отсутствіе сильно броси-

лось въ глаза, а такъ какъ тебя уже подозрѣвали, то подозрѣніе это теперь укрѣпилось еще болѣе . . .

— И пусть подозрѣваютъ . . . пусть, что хотятъ, дѣлаютъ . . . Мнѣ-то что?

— Я только предупреждаю тебя, говорю тебѣ еще разъ это . . .

— А я, вотъ, даже и не благодарю, потому что не нуждаюсь въ предупрежденіяхъ . . . Ну, все ты мнѣ сказалъ?

— Нѣтъ, не все . . .

— Говори-же, только скорѣе, пока мнѣ не лѣнь слушать . . .

— Я хотѣлъ только сказать, что Өедоръ Васильевичъ, какъ это было намъ ясно видно, отъ души простилъ сдѣлавшаго ему зло . . . Онъ считаетъ, что виновникъ сегодняшняго случая просто хотѣлъ пошалить, не разсчитывая, что эта шалость будетъ имѣть такія послѣдствія . . . Именно такъ! Онъ такъ и сказалъ: «Богъ его прости, какъ я его прощаю» . . .

— Онъ такъ и сказалъ? — приподнялся и сѣлъ на самомъ краю обрыва Өоминъ.

— Да! Потомъ онъ сказалъ, что хотѣлъ-бы знать виновника этой шалости (это его подлинныя слова, Өоминъ!), но только затѣмъ, чтобы успокоить его, облегчить его душу, когда его станетъ мучить совѣсть . . . а вину его онъ говоритъ, что забылъ, совсѣмъ забылъ . . .

— Онъ такъ и сказалъ? — глухо, съ дрожью въ голосѣ снова спросилъ Өоминъ.

— Такъ и сказалъ . . . Но что съ тобой?

Смородинъ едва узналъ товарища.

Лицо Өомина было почти страшно. Его какъ будто исказила ужасная внутренняя судорога. Глаза были широко раскрыты и такъ и сверкали. Синяя жила поперекъ лба, страшно вздувшись, приподняла даже

кожу. Тонкія ноздри раздувались, зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ, руки были сжаты въ кулаки.

— Онъ такъ и сказалъ, такъ и сказалъ, говоришь ты: «Богъ его прости, какъ я его прощаю» . . . Да кто это ему далъ право такъ говорить? Слушай, Смородинъ, мнѣ все равно, — хочешь ты, меня выдавай, хочешь нѣтъ . . . все равно . . . я, можетъ быть, потомъ и откажусь отъ всего, а сейчасъ, вотъ, я скажу тебѣ . . . Да, это я сдѣлалъ . . . слышишь ты, Смородинъ? Я . . . доволенъ ты? Иди, фискаль!

— Но зачѣмъ? — робко спросилъ Володя.

— Зачѣмъ? Объ этомъ погоди! Сперва — какъ! Это тоже очень интересно . . . Ужъ пойдешь фискалить, по крайней мѣрѣ все тебѣ будетъ извѣстно и сразу тебѣ повѣрятъ всѣ . . . Такъ слушай-же, слушай . . . Того стула, на который сѣлъ нѣмецъ, до четвертаго урока въ классѣ не было. Пойми, — не было. Онъ былъ въ кладовушкѣ у Павла, гдѣ губки, лишняя мебель, классныя доски . . . Ты, вѣдь, знаешь иное назначеніе этой кладовушки? Тебѣ, кажется, въ ней сидѣть не приходилось, а я гощу тамъ частенько . . .

— Знаю! она — вмѣсто карцера . . .

— Да, такъ вотъ, разъ меня туда посадили, помнишь, на прошлой недѣлѣ, когда я Аваеву такую подножку подставилъ, что онъ упалъ и голову въ кровь разбилъ? Помнишь это? Такъ меня послѣ уроковъ на два часа туда засадили. Ужъ очень я золъ былъ! Вотъ и думаю, чтобы душу отвести, дай-ка я какую-нибудь вещь испорчу . . . У меня крошечная пилка была съ собой, я для станка три штуки купилъ . . . Инструментъ есть — что испортить, да такъ, чтобы и самому не попасться? Стулъ на глаза попался, я и рѣшилъ ему ножку отпилить, не совсѣмъ, а только чтобы чуть-чуть держалась . . . Думаю, ся-

детъ Павелъ-сторожъ и грохнется . . . Сталъ я работать — два часа, незамѣтно какъ пролетѣли, все равно, что одна минута. Доволенъ я на этотъ разъ карцеромъ остался. Вотъ, каждый день жду, сейчасъ Павелъ разскажетъ, какъ онъ со стула упалъ . . . Нѣтъ, ничего не выходитъ, я и такъ, я и сякъ, чуть что его самъ не просилъ сѣсть . . . Попался-бы, вѣдь! А нетерпѣніе все меня больше беретъ . . . только думаю я, что-же Павелъ? Онъ — сошка мелкая, упадетъ — встанетъ, почешется и все тутъ . . . Ужъ если охотиться, такъ по крупнымъ птицамъ . . . Вотъ, хорошо было-бы, если-бы на такой стулъ Бѣлковъ или грекъ сѣли . . . То-то-бы грому было! . . Потомъ о другихъ сталъ думать, и вотъ на нѣмцѣ остановился . . .

— Почему-же на Ѳедорѣ Васильевичѣ? — робко спросилъ Смородинъ.

— А зачѣмъ всѣ говорятъ, что онъ добрый! Какой онъ добрый! Добрыхъ людей не бываетъ — homo homini lupus est — сумѣешь ты это перевести? И нѣмецъ такой-же, какъ и всѣ . . . Противнѣй еще всѣхъ . . . Говорятъ подъ проценты даетъ . . . Столько денегъ получаетъ, а жмется . . . Кощей безсмертный! . . .

— Тебѣ-то какое дѣло, зачѣмъ онъ такъ поступаетъ? Всякій воленъ располагать своимъ имуществомъ, какъ ему угодно . . .

— Не спорю . . . Противно только . . . Развѣ добрые такіе бываютъ? . . Въ Евангеліи сказано, что нужно все имущество раздать бѣднымъ, чтобы за Христомъ идти . . . Вотъ, это доброта! А нѣмецъ? Да, онъ скорѣе грошъ въ рѣку броситъ, чѣмъ голоднаго накормитъ . . .

— Ты-то почему знаешь? . .

— Знаю! Три раза видѣлъ, какъ онъ надъ бѣдняками глумился . . . Два раза раньше, и третій,

какъ разъ вчера . . . У него голодный бѣднякъ двѣ копѣйки на хлѣбъ просилъ, а онъ-то ему нотацію: «Ахъ, mein lieber Freund! Ви просить милостынь, а ви должни работайть а не шпациренъ геенъ».

— Ѳедоръ Васильевичъ такъ не говоритъ! — вступился за учителя Володя.

— Да я-то хочу, чтобы онъ такъ говорилъ! — даже топнулъ ногой Ѳоминъ, — ну, такъ вотъ . . . Шпациренъ геенъ . . . да . . . А я притаился и слушаю, что дальше будетъ . . . Нѣмецъ такъ и разливается соловьемъ залетнымъ: «Ви, либеръ фрейндъ, такъ молоды, такъ сильны, зачѣмъ просить ради Христа, приходите ко мнѣ, я буду давать вамъ мой адресъ, а тамъ мы вамъ отыщемъ labor . . . Тьфу-ты! у бѣдняка слезы на глазахъ, нѣсколько дней, можетъ быть, не ѣлъ, а нѣмецъ къ нему съ работой . . . Это-ли не насмѣшка . . . а? Что ты скажешь? я уже тутъ не стерпѣлъ, былъ у меня гривенникъ, вынырнулъ я изъ-за нѣмцевой спины и сунулъ нищему въ руку . . .

— Что-же Ѳедоръ Васильевичъ? Видѣлъ онъ, Ѳоминъ, это? . .

— Видѣлъ . . . Бѣднякъ, какъ увидалъ гривенникъ, обрадовался, поблагодарить даже позабылъ, опрометью со всѣхъ ногъ пустился . . . Голодъ-то не тетка! А нѣмецъ улыбается . . . «У васъ, говоритъ, Ѳоминъ, очень доброе сердце, только вы напрасно это сдѣлали . . . Не пользу, а вѣрный вредъ вашими деньгами этому человѣку причинили» . . . Говоритъ, а самъ улыбается и рукой ко мнѣ тянется, по щекѣ потрепать хотѣлъ . . . Только я не дался . . . а если-бы дотронулся, такъ, не ручаюсь, укусилъ-бъ! Тутъ я и рѣшилъ ему за глумленіе надъ бѣднымъ человѣкомъ отплатить . . . Ты, вѣдь, помнишь, какой урокъ былъ передъ нѣмецкимъ?

— Гимнастика . . .

— Такъ вотъ я и ухитрился удрать изъ зала, а самъ сюда въ классъ, Павла будто за булкой услалъ, а пока онъ ходилъ, я стулья и перемѣнилъ: хорошій-то въ кладовушку, а подпиленный на каѳедру . . . вотъ и вышла потѣха . . . Такъ ему и нужно . . . Доброту тоже нашли . . .

— Однако, онъ тебя простилъ . . .

— Я не хочу его прощенья, слышишь ты, не хочу! . . Меня и такъ всѣ травятъ . . . Зачѣмъ мнѣ навязываютъ, что мнѣ не нужно? . . Не надобно мнѣ нѣмцево прощенье . . . Такъ и скажи всѣмъ, что не надобно . . . Мнѣ все равно . . . Будь добръ, сфискаль на меня . . . это кстати будетъ, если не за нѣмца, такъ за неплатежъ выгонютъ . . . все равно, въ гимназіи мнѣ не быть . . . Такъ уже лучше память о себѣ оставить . . . Какъ я васъ всѣхъ ненавижу . . . Ненавижу! Ты что здѣсь сидишь, ягненкомъ прикинувшись? Тотъ-же волкъ, какъ и всѣ . . . Уходи . . . Уходи прочь, никого мнѣ не надо . . .

— Послушай, Антонъ! — заговорилъ было Смородинъ.

— Ничего мнѣ слушать не надо . . . Уходи до грѣха . . . Не уйдешь — въ озеро сброшу . . . Всѣ вы мнѣ противны, всѣ вы мнѣ враги . . . Какъ я вамъ отплачу за все! . . Булочки . . . вареньеца . . . волки!

Но волненіе одолѣло мальчика . . .

Онъ уже во время своего разсказа нѣсколько разъ захлебывался рыданіями. Слезы, горькія такъ и подступали къ его горлу. Спазмъ захватилъ дыханіе . . .

Еще мгновеніе, и Ѳоминъ въ истерикѣ забился на травѣ . . .

И на этотъ разъ Смородинъ не растерялся.

Противъ желанія ласково, сердечно, говорилъ онъ съ нимъ, стараясь его успокоить. Доброе слово по-

дѣйствовало. Несчастный мальчикъ мало по малу пришелъ въ себя. Теперь онъ уже не гналъ товарища, но съ какой-то странной дикостью принималъ его услуги.

Смородинъ проводилъ Ѳомина до дому, а когда нужно было итти въ гимназію, зашелъ за нимъ.

Весь путь они совершили, не обмолвившись другъ съ другомъ ни однимъ словомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Опальный.

Третьеклассникамъ на слѣдующій-же день нѣсколько разъ пришлось сильно покраснѣть. Первымъ урокомъ въ это утро былъ французскій. Едва преподаватель, m-r Птизаръ, вошелъ въ классъ, онъ тотчасъ-же такъ и уставился взглядомъ на стоявшій у каѳедры стулъ. Пока старшій дежурный читалъ молитву предъ ученіемъ, m-r Птизаръ такъ и не спускалъ со стула глазъ. Потомъ подошелъ къ нему, взялъ его за спинку, перевернулъ ножками вверхъ и внимательно осмотрѣлъ, нѣтъ-ли гдѣ слѣдовъ новой подпилки. Но и этого ему показалось мало. Поставивъ стулъ на помостъ, m-r Птизаръ нѣсколько разъ попробовалъ еще крѣпость ножекъ, надавливая на каждую изъ нихъ со стороны сидѣнья. Пока онъ это продѣлывалъ, гимназисты не знали, куда дѣвать глаза, а когда учитель, покончивъ съ этимъ оскорбительнымъ для мальчиковъ осмотромъ, вошелъ на каѳедру и сказалъ, нѣсколько шепелявя:

— Не правда-ли? Теперь ужасно непрочная мебель и безъ опасенія нельзя на нее садиться! —

Макаровъ даже не вытерпѣлъ и поспѣшилъ объяснить:

— Да вы не безпокойтесь, Иванъ Петровичъ, стулъ крѣпкій, я уже садился . . .

— И что-же? Онъ выдержалъ васъ?

— На всѣхъ четырехъ ножкахъ!

— О, тогда и я совершенно спокойно могу сидѣть на немъ!

Острота француза въ видѣ намека на «великовозрастіе» Макарова привела классъ въ веселое настроеніе, раздался хохотъ, настолько громкій, что m-r Птизаръ нашелъ нужнымъ возгласить свое обычное въ этихъ случаяхъ:

— Silence!

Однако, со стороны m-r Птизара далѣе не послѣдовало ни малѣйшаго намека на вчерашнее событіе.

Очевидно между преподавателями на этотъ счетъ уже состоялось соглашеніе и только одинъ пламенный французъ не могъ удержаться отъ злого сарказма.

— Кто не пришелъ? — спросилъ m-r Птизаръ, приготовляясь сдѣлать въ журналѣ отмѣтки объ отсутствующихъ.

— Смородина нѣтъ и Ѳомина! — отвѣтилъ дежурившій въ этотъ день Клейнъ.

Но оба эти мальчика были легки на поминѣ.

Они объяснили свое отсутствіе, а такъ какъ Смородинъ пользовался полнымъ довѣріемъ всѣхъ учителей, то и Ѳомину на этотъ разъ m-r Птизаръ не сдѣлалъ замѣчанія.

Но только что Ѳоминъ сѣлъ на свое мѣсто, какъ учитель вызвалъ его.

Ѳоминъ подошелъ къ каѳедрѣ, какъ и всегда, съ нѣсколько насмѣшливой улыбкой. Изъ первыхъ же его отвѣтовъ стало ясно, что онъ урока не знаетъ «ни въ зубъ».

— Садитесь, — съ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосѣ сказалъ ему m-r Птизаръ, — я ставлю вамъ нуль, въ

виду вашего постояннаго нежеланія готовить задаваемые мной уроки.

Лицо Ѳомина исказила судорога. Преподаватель замѣтилъ это.

— А, вы не только не готовите урокъ, но позволяете еще себѣ дѣлать учителю гримасы! — вскричалъ онъ, — это ни на что не похоже! Это . . . это . . . я васъ запишу!

— Записывайте, если не лѣнь! — грубо отвѣтилъ Ѳоминъ.

Этотъ отвѣтъ еще больше разсердилъ вспыльчиваго француза. Онъ ничего не сказалъ, но болѣе пяти минутъ записывалъ проступки Ѳомина въ кондуитномъ журналѣ, не забывъ упомянуть и объ опозданіи.

Уже въ слѣдующую пятиминутную перемѣну Ѳоминъ замѣтилъ, какъ рѣзко измѣнились по отношенію къ нему товарищи.

Напрасно онъ подходилъ то къ Курлакову, то къ Александрову, то къ Котову, отъявленнымъ «сорви головамъ» третьяго класса. Всѣ они отвѣчали ему сквозь зубы, неохотно, ограничивались односложными отвѣтами. Въ «пятнашки» никто не хотѣлъ съ нимъ играть, а когда онъ сдѣлалъ своему закадычному пріятелю по классу Муравьеву «подножку», тотъ пошелъ и пожаловался на него Дмитрію Ильичу. Классный надзиратель пообѣщалъ записать Ѳомина и остался неумолимымъ, несмотря на всѣ его просьбы о прощеніи. Одинъ только Смородинъ остался съ нимъ попрежнему ласковъ и разговаривалъ съ нимъ такъ-же, какъ и прежде.

Ѳоминъ прекрасно понималъ, что съ нимъ такое.

Смородинъ предупредилъ его уже, что и товарищи подозрѣваютъ въ немъ виновника вчерашней бѣды, но даже и тутъ сердце его нисколько не смягчилось. Напротивъ того, онъ озлобился еще больше. До этого

дня онъ довольно равнодушно относился къ товарищамъ по классу, но теперь, видя ихъ презрѣніе къ себѣ, презрѣніе, какъ ему казалось, ни на чемъ не основанное (Ѳоминъ былъ увѣренъ, что Смородинъ не выдастъ его), мальчикъ сразу возненавидѣлъ всѣхъ товарищей огуломъ.

Изъ гордости Ѳоминъ замкнулся въ самомъ себѣ.

Уже въ слѣдующую-же десятиминутную перемѣну, между вторымъ и третьимъ урокомъ, онъ самъ не подходилъ ни къ кому изъ товарищей, хотя тѣ, можетъ быть и иронически, но пытались заговаривать съ нимъ по поводу его новой неудачи.

Въ самомъ дѣлѣ мальчику въ этотъ день положительно не везло. Вторымъ урокомъ была латынь. Учитель вмѣсто того, чтобы заставить Ѳомина переводить, принялся спрашивать его изъ пройденнаго, главнымъ образомъ налегая на то, въ чемъ мальчикъ былъ особенно слабъ. Ѳомина спросили «неправильные глаголы» — это знаніе почерпалось прямо уже зубрежкой — и кончилось тѣмъ, что Ѳоминъ получилъ еще одну единицу . . .

Онъ сообразилъ, что дѣло не спроста. А когда учитель, кромѣ того, записалъ его за разговоръ и ложь, хотя Ѳоминъ ни въ первомъ ни во второмъ былъ неповиненъ: разговаривать ему было не съ кѣмъ, онъ сидѣлъ на партѣ одинъ и потому совершенно правдиво отрицалъ свою вину, то понялъ, что подготовляется почва для удаленія его на приличномъ основаніи изъ гимназіи.

На слѣдующемъ — третьемъ урокѣ повторилось то-же самое. Ѳоминъ получилъ еще единицу изъ греческаго и былъ записанъ учителемъ за постоянное и неисправимое невниманіе.

Три единицы и четыре записи въ одинъ день — это былъ еще небывалый въ гимназіи случай . . .

Въ довершеніе всего Дмитрій Ильичъ поставилъ Ѳомина на всю большую перемѣну къ стѣнкѣ, подъ часы, приказавъ Павлу присмотрѣть за наказаннымъ.

— Иначе я не могу быть покойнымъ за вашихъ товарищей — объяснилъ классный надзиратель причины этого наказанія — въ первую перемѣну вы чуть не убили «подножкой» Муравьева, а такъ, доберетесь и еще до кого нибудь . . . Гимназія-же отвѣтственна за воспитанниковъ, пока они находятся въ ея стѣнахъ . . .

Еще разъ наказавъ сторожу никуда не отпускать съ глазъ наказаннаго, Дмитрій Ильичъ прошелъ далѣе.

Около Ѳомина сейчасъ-же очутился «великовозрастный» Макаровъ.

— Кого еще убилъ? — насмѣшливо спрашивалъ онъ.

— Не тебя только — отрѣзалъ озлобленный Ѳоминъ, — тебя и изъ катапульты, пожалуй, не прошибешь.

Макаровъ завизжалъ и побѣжалъ жаловаться Дмитрію Ильичу . . .

Всѣ были противъ Ѳомина: и учителя, и товарищи . . . Даже сторожъ Павелъ, всегда очень снисходительный къ мальчику, и тотъ былъ суровонеприступенъ до того, что вовсе не хотѣлъ на него глядѣть . . .

Большая получасовая перемѣна тянулась для мальчика необыкновенно долго. Онъ привыкъ въ эти полчаса поиграть въ «пятнашки», побѣгать, а тутъ волей-неволей приходилось стоять на одномъ мѣстѣ, да выслушивать колкія остроты то и дѣло проходившихъ мимо товарищей.

Ѳоминъ страдалъ, страдалъ невыносимо, но не сдавался. Онъ думалъ, что дѣло его проиграно оконча-

тельно, и въ умѣ своемъ строилъ планы, что-бы ему сдѣлать такое, чтобы навсегда оставить по себѣ память въ гимназіи, отомстивъ всѣмъ и за все . . .

Къ концу большой перемѣны вдругъ по всей гимназіи разнеслась радостная вѣсть:

— Ѳедоръ Васильевичъ пріѣхалъ!

Добрый старикъ, у котораго былъ въ этотъ день послѣдній урокъ въ одномъ изъ старшихъ классовъ, пріѣхалъ въ гимназію только за тѣмъ, чтобы показаться своимъ питомцамъ.

Онъ чувствовалъ себя настолько еще слабымъ, что врядъ-ли былъ въ состояніи высидѣть урокъ. Однако, старикъ, имѣвшій наканунѣ продолжительный разговоръ съ Бѣлковымъ, нашелъ нужнымъ непремѣнно лично повидать и директора, и инспектора и по возможности большее число членовъ педагогическаго совѣта . . .

Вскорѣ послѣ его пріѣзда большая перемѣна кончилась, воспитанники изъ залъ разошлись по классамъ. Дмитрій-же Ильичъ оставилъ Ѳомина стоять подъ часами вплоть до прихода батюшки — въ третьемъ классѣ въ этотъ день четвертымъ урокомъ былъ Законъ Божій.

— Какой блѣдненькій нѣмецъ-то — говорили въ третьемъ классѣ, пока еще урокъ батюшки не начинался.

— Еще-бы! будешь блѣднымъ. Такъ упасть . . . Еще счастливо . . .

— А никто, какъ Ѳоминъ . . .

— Онъ . . . онъ! Кому-же больше!

— То-то ему и влетаетъ! Въ три урока — три кола и записанъ . . .

— Выгонятъ его!

— Туда и дорога! Одна паршивая овца все стадо портитъ . . .

Появленіе Ѳомина, а затѣмъ и законоучителя от. Ксенофонта прекратило разговоры.

От. Ксенофонтъ, добродушнѣйшій старичекъ, какъ вошелъ, сразу обвелъ классъ глазами. Почему-то его взглядъ дольше, чѣмъ на другихъ, остановился на Ѳоминѣ, и лишь только была прочтена молитва предъ началомъ ученія, обычная на урокахъ Закона Божія, батюшка сейчасъ-же поманилъ его къ себѣ.

Потомъ онъ взошелъ на каѳедру, также, какъ m-r Птизаръ попробовалъ крѣпость стула, прежде чѣмъ сѣсть, и только тогда заговорилъ съ классомъ, не обращая вниманія на стоявшаго у доски мальчика.

— Святый апостолъ Павелъ — началъ батюшка слегка на распѣвъ, — въ своемъ посланіи къ Тимоѳею пишетъ: «Старца не укоряй, а умоляй, якоже отца; юноши, якоже братію; старицы, якоже матери». А въ посланіи-же къ евреямъ зримъ: «Повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покоряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще: да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе» вотъ, какъ говоритъ святый апостолъ — о почтеніи къ старшимъ и о повиновеніи начальствующимъ. Я-же съ прискорбіемъ душевнымъ услыхалъ печальное извѣстіе, что среди васъ есть недостойный, подъявшій руку на наставника своего и посредствомъ злоумышленія сверзившій его съ нѣкоей высоты, приведя даже симъ бѣднаго страдальца въ безчувственность. И горше всего, что содѣявшій эту кознь остается до сей поры нераскаяннымъ . . . Ты, Ѳоминъ, чего смѣешся? — вдругъ прервалъ батюшка свою рѣчь.

— Я, батюшка, право, не смѣюсь . . . — было отвѣтомъ.

— Какъ братецъ, не смѣешься, когда я это своими глазами видѣлъ! Гм! гм! Гдѣ у меня журналъ-то?

Ахти, позабылъ! . . . Сходи-ка, братецъ, въ учительскую и принеси мнѣ, тамъ Дмитрій Ильичъ кого-то записываетъ . . .

Ѳоминъ вышелъ изъ класса, а от. Ксенофонтъ продолжалъ свое поученіе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

У дверей учительской.

Мальчикъ, не торопясь шелъ къ дверямъ учительской. Событія этого дня начинали давить его всею своею тяжестью. Онъ теперь это чувствовалъ и, какъ ни храбрился, а все-таки ему было не по себѣ. Жаль ему становилось гимназіи, несказанно жаль . . . Мальчикъ понималъ, что гимназія была для него единственнымъ средствомъ выбиться въ люди, занять въ обществѣ вполнѣ опредѣленное положеніе. И вдругъ эта надежда рушится! Ѳоминъ зналъ, что ему будетъ невозможно поступить въ другое училище. И здѣсь-то онъ неизвѣстно за чей счетъ учится, а въ другой школѣ кто за него платить будетъ . . . И грустно-грустно стало на сердцѣ подростка, и злоба на людей, по его мнѣнію такъ безпощадно преслѣдовавшихъ его, все ярче и ярче разгоралась въ его душѣ . . .

Но — странное дѣло — Ѳоминъ, очень неглупый, даже мало того — богато одаренный отъ природы мальчикъ, вопреки разсудку, единственнымъ виновникомъ своихъ всѣхъ бѣдъ считалъ никого другого, какъ Ѳедора Васильевича Іогансена . . . Если-бы не онъ, ничего-бы и не вышло! Ѳоминъ не разсуждалъ, а ненавидѣлъ инстинктивно, и весь отдался этому чувству. Добрый старикъ въ его глазахъ являлся такимъ-же врагомъ, какими были вотчимъ и мачеха.

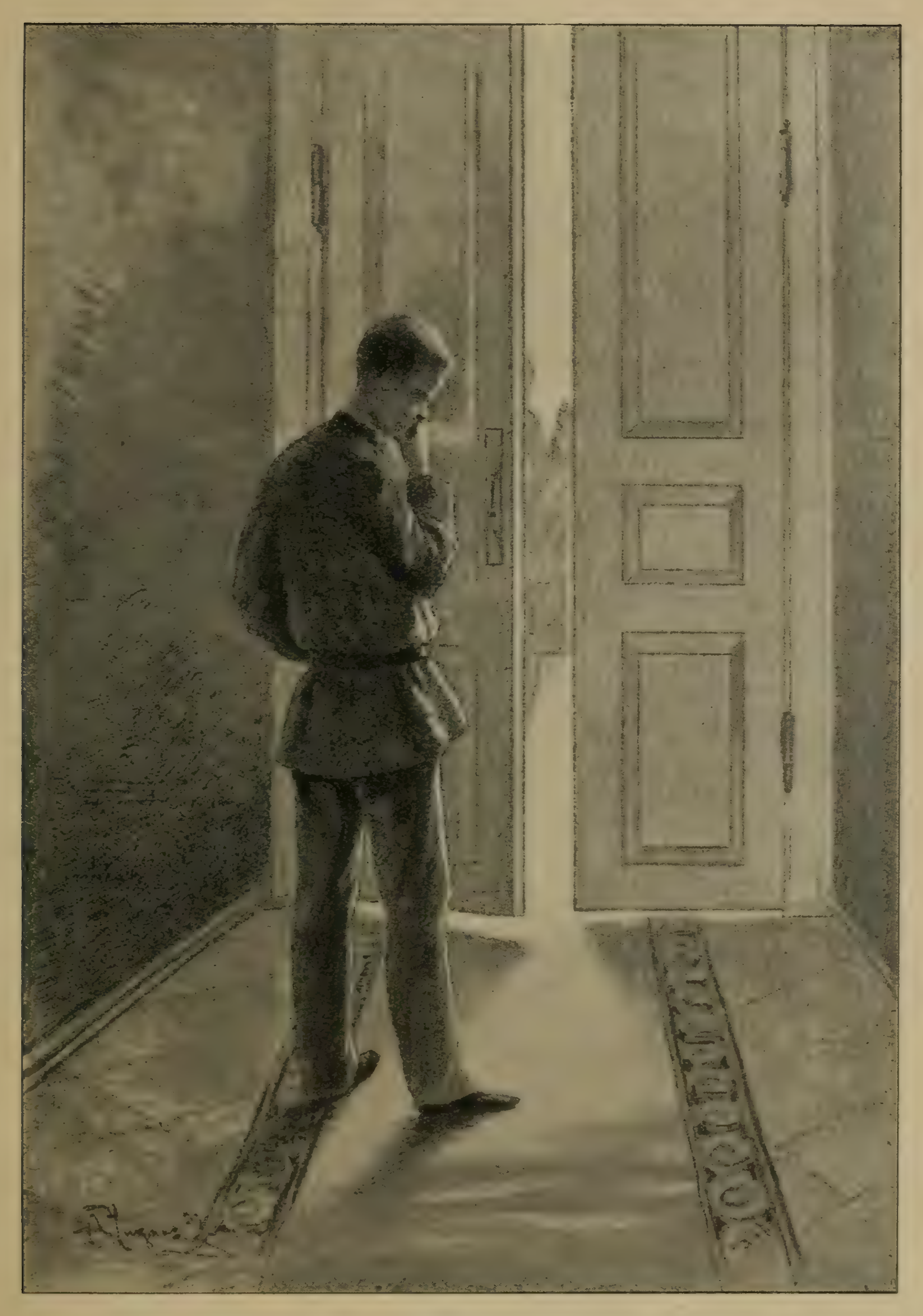
Почему? За что? — Антонъ и думать даже надъ этимъ не желалъ. Онъ чувствовалъ въ своемъ сердцѣ ненависть къ старику и больше знать ничего не хотѣлъ . . .

Въ угнетенномъ состояніи духа спустился онъ по лѣстницѣ (Учительская N—ской гимназіи была во второмъ этажѣ, классы-же въ третьемъ и четвертомъ) и тихо безшумно пошелъ по корридору. Коверъ на полу заглушалъ его шаги. Двери въ учительскую были не плотно притворены; изъ за нихъ въ корридоръ доносились громкіе голоса. Ѳоминъ, подойдя, сразу узналъ, кто говорилъ. Тамъ были директоръ, инспекторъ, учитель латинскаго языка, классный надзиратель Дмитрій Ильичъ и его «врагъ» Ѳедоръ Васильевичъ.

Мальчикъ не вошелъ въ комнату, а остановился и сталъ прислушиваться.

— Нѣтъ, Ѳедоръ Васильевичъ! — раздраженно говорилъ Михайловъ — какъ вамъ угодно, а такого воспитанника нѣтъ возможности держать въ стѣнахъ заведенія! . . Оставимъ то, о чемъ мы только догадываемся — вчерашнее приключеніе съ вами, поглядите сегодня . . . вѣдь, это безобразіе! Первый урокъ: этотъ добрѣйшій m-r. Птизаръ, снисходительный ко всѣмъ безъ исключенія, и тотъ вышелъ изъ себя! Ѳоминъ записанъ за лѣность, опозданіе, гримасы учителю . . . На что это похоже? Глядите сами: на второмъ урокѣ онъ-же записанъ за разговоръ и наглую ложь, на третьемъ за невниманіе, наконецъ, даже Дмитрій Ильичъ записалъ этого воспитанника за безпорядокъ во время перемѣны . . .

— Дѣйствительно, — замѣтилъ Дмитрій Ильичъ — на Ѳомина всѣ, всѣ рѣшительно жалуются! Представьте себѣ, даже такой великовозрастный ученикъ, какъ Макаровъ, уже во всякомъ случаѣ за себя по-

Ѳоминъ, стоявшій за дверью, слышалъ всѣ эти разсужденія.

стоять умѣющій, и тотъ на него жалуется! Вотъ вѣдь, это какое зельеце!

Ѳоминъ, стоявшій за дверью, слышалъ всѣ эти разсужденія, не размышляя даже о томъ, что подслушивать и грѣшно, и стыдно. Онъ чувствовалъ только одно: въ эти минуты рѣшалась его судьба: что говорятъ здѣсь, то будутъ говорить и на педагогическомъ совѣтѣ . . .

— Вотъ, видите! — вскричалъ между тѣмъ Михайловъ — даже Макаровъ! А успѣхи-то, успѣхи! Три единицы въ одинъ день! . . И это прославленныя феноменальныя способности! Признаюсь, я что-то не вижу ихъ . . .

— Позвольте, Петръ Матвѣевичъ, — услыхалъ Ѳоминъ голосъ Ѳедора Васильевича, — голосъ былъ слабъ, чуть слышенъ, и дрожалъ, — позвольте и мнѣ слово молвить . . . Нужно-же быть справедливымъ . . . Вы у насъ человѣкъ новый (N—ская гимназія незадолго до того была преобразована изъ прогимназіи), учительствуете въ старшихъ классахъ и не знаете еще всѣхъ вашихъ питомцевъ. Вы отрицаете способности Ѳомина, а я говорю, что это мальчикъ феноменальныхъ памяти и быстроты соображенія . . . Если-бы ему удалось нѣсколько по другому направить себя, этотъ мальчикъ былъ-бы украшеніемъ гимназіи . . . Надѣюсь, почтенный Михаилъ Павловичъ — подтвердитъ это.

— Да, я съ вами согласенъ вполнѣ, Ѳедоръ Васильевичъ! — сказалъ директоръ.

— Но что-же значатъ эти единицы? — вскричалъ Михайловъ — эти записи, наконецъ?

— Да, что значатъ, — снова, заговорилъ Іогансенъ. — Очень просто: Ѳомина подозрѣваютъ въ очень некрасивой шалости. Уликъ противъ него нѣтъ, но онъ въ сильномъ подозрѣніи, вотъ, онъ попалъ въ опалу.

Господа преподаватели настроены противъ него враждебно. Всѣ мы знаемъ слабую сторону Ѳомина: не зазубривать уроковъ — онъ въ этомъ не нуждается. Если его спрашивать слово въ слово — онъ никогда не дастъ отвѣта, такъ уже устроенъ этотъ мозгъ, но когда дѣло дойдетъ до практическаго примѣненія правилъ, что-ли, все у Ѳомина является, какъ будто изъ какого-то потаеннаго ларца, изъ той сокровищницы, какою одарилъ его Господь. Его, вѣроятно, такъ и спрашивали — вотъ вамъ и единицы.

— А четыре разныхъ записи въ кондуитномъ журналѣ?

— Объясняются тѣмъ-же враждебнымъ настроеніемъ . . . Скажите, Дмитрій Ильичъ, неужели вы серьезно вѣрите, что Макаровъ, этотъ Голіафъ, побѣжалъ къ вамъ жаловаться потому только, что не могъ самъ справиться съ обидчикомъ?

— Я не входилъ и не имѣю права входить въ разсужденія — сухо отвѣтилъ классный надзиратель, — разъ мнѣ жалуются и жалоба имѣетъ основанія быть правдивой, я считаю себя обязаннымъ принять соотвѣтствующія мѣры . . . Считаю также своимъ долгомъ заявить, что этотъ Ѳоминъ отъявленный безобразникъ . . . Онъ не украшеніе, а позоръ гимназіи . . . Тройка изъ поведенія!

— Нѣтъ, нѣтъ! Не говорите такъ, дорогой Дмитрій Ильичъ, — горячо вскричалъ Іогансенъ, — вы въ душѣ думаете иное!

— Я думаю только, что этотъ воспитанникъ неисправимъ и на совѣтѣ подамъ голосъ за исключеніе его . . .

— У него золотое доброе сердце! — не слушая Дмитрія Ильича, продолжалъ Іогансенъ, — позвольте одну минуту вниманія, только одну, и вы сами убѣдитесь въ этомъ . . . Третьяго дня, когда я возвращал-

ся изъ гимназіи домой, ко мнѣ присталъ за милостыней одинъ бѣднякъ . . . Впрочемъ, это не бѣднякъ, онъ, пожалуй, несчастный человѣкъ, опустившійся, отвыкшій работать, потому что многіе не могутъ слышать этой трогательной просьбы «ради Христа» и подаютъ просящему деньги, которыя не получаютъ надлежащаго назначенія . . . Вы сами понимаете, что подобная неразумная милостыня только распложаетъ тунеядцевъ, потому что зачѣмъ-же работать, когда безъ всякаго труда можно достать большія средства, чѣмъ самымъ тяжелымъ трудомъ . . . Но не буду говорить, это всѣмъ извѣстно . . . Я, конечно, отказалъ . . . вдругъ, откуда ни возьмись Ѳоминъ. Съ самымъ злымъ выраженіемъ на лицѣ онъ сунулъ нищему монету и убѣжалъ . . . А? Что вы скажете? Развѣ не золотое сердце у этого мальчика, не пожалѣвшаго, можетъ быть, тѣхъ денегъ, которыя нужны были ему на дорогу . . . Я увѣренъ, что послѣ этого онъ пошелъ пѣшкомъ, не жалѣя объ этомъ и не раздумывая даже, что цѣною необходимаго для него удобства тотъ несчастный человѣкъ удовлетворилъ свою пагубную и постыдную страсть . . . Развѣ не золотое сердце у того, спрашиваю я васъ, кто способенъ отдаться всецѣло добрымъ порывамъ?

— Да, со стороны Ѳомина это была дѣйствительно жертва очень большая, — сказалъ Михаилъ Павловичъ, — у него деньги не часто водятся, я знаю его семейное положеніе. Оно поистинѣ ужасно. Этотъ мальчикъ былъ обобранъ своими вотчимомъ и мачехой. Вотчимъ, разбросавъ деньги, принадлежавшія пасынку, превратился въ алкоголика . . . Въ этой семьѣ бѣдность страшная . . . Мало того, Ѳоминъ своимъ воспитателямъ чужой совершенно. Вотъ, уже два года никто не позаботился не только вносить деньги за его ученье, но даже освѣдомиться, почему

этого воспитанника не исключаютъ за невзносъ платы... Равнодушіе къ этому ребенку поразительное...

— Но, вѣдь, стало быть, за него кто-нибудь да платитъ, — вскричалъ Петръ Матвѣевичъ, — если онъ остается въ гимназіи?

— Да, платятъ! — какъ-то загадочно отвѣтилъ директоръ.

— Но кто-же?

— По чести скажу вамъ, не знаю кто... вотъ, уже два года, аккуратно присылается въ гимназію за этого мальчика плата отъ «неизвѣстнаго»... Не за одного его, но еще за четырехъ воспитанниковъ, не имѣющихъ права ни на стипендіи, ни на помощь отъ благотворительнаго нашего общества. Но представьте себѣ, какая деликатность! Этотъ неизвѣстный благотворитель не допускаетъ даже, чтобы имена недостаточныхъ воспитанниковъ попадали въ списокъ исключаемыхъ за невзносъ платы... И это не только у насъ. Я знаю, что подобные-же присылки получаются въ прогимназіи, реальномъ училищѣ и женской гимназіи...

— Но кто-же это такой?

— Право, не знаю... Этотъ благотворитель окружаетъ себя тайной... Это тоже очень деликатно... въ высшей степени деликатно... Квитанціи въ полученіи мы высылаемъ неизвѣстному адресату въ почтамтъ до востребованія...

— Оставимъ этотъ разговоръ! — вмѣшался Ѳедоръ Васильевичъ, — ну, мало-ли на свѣтѣ бѣдныхъ маніаковъ, швыряющихъ деньгами... Про нихъ законъ не писанъ...

Слышавшій все это Ѳоминъ почувствовалъ необыкновенно сильный взрывъ злобы противъ старика.

То, что онъ услыхалъ, подслушивая у дверей, было для него совершенною новинкою. Глаза его откры-

лись. Онъ теперь зналъ, почему не исключаютъ его за невзносъ платы! Но кто-же этотъ «неизвѣстный»? Онъ платитъ не за него одного. Какой онъ долженъ быть добрый, какой прекрасный человѣкъ, и этотъ противный «нѣмецъ» называетъ его маніакомъ, говоритъ, что про него «законъ не писанъ» . . . О, если на мгновеніе и явилось было раскаяніе, то теперь уже нужно не жалѣть, а гордиться своимъ поступкомъ! Такъ ему и надо! Жаль, что нельзя подпилить и другого стула . . . Ну, да погоди ты, противный старикъ! Можно и еще что нибудь придумать . . . Дай только время . . . А этотъ «неизвѣстный» . . . Если-бы только узнать, кто онъ такой . . . Ѳоминъ сталъ-бы ему рабомъ, вѣрной собакой, чтобы только отблагодарить его!

Какъ въ забытьѣ, слушалъ мальчикъ, что еще говорилось въ учительской.

— Такъ, господа, ради меня, старика, — говорилъ Іогансенъ — ради сѣдинъ моихъ, пощадите этого мальчика . . . Ручаюсь вамъ, исправится онъ . . .

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, отложимте исключеніе Ѳомина до слѣдующаго педагогическаго совѣта — предложилъ Михаилъ Павловичъ, — прошу васъ еще вотъ почему. Можетъ быть, это совершится само собой . . . Если его неизвѣстный благодѣтель не пришлетъ на этихъ дняхъ платы, исключеніе Ѳомина неизбѣжно, но всетаки его дальнѣйшая дорога не будетъ испорчена . . . Прошу васъ!

— Благодарю, благодарю! — съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ воскликнулъ Ѳедоръ Васильевичъ. – Господа, вы дѣлаете меня счастливымъ!

Ѳоминъ дальше не хотѣлъ слушать . . . Онъ страстно желалъ, чтобы Ѳедоръ Васильевичъ говорилъ противъ него . . . Это по крайней мѣрѣ подогрѣло-бы его ненависть . . . Но за то теперь старикъ въ его

глазахъ упалъ еще больше. Мальчикъ считалъ его лицемѣромъ, преслѣдующимъ подъ личиною доброты какую-то собственную затаенную цѣль . . .

«Добрымъ прикидывается», — думалъ Ѳоминъ, сильно стуча въ дверь.

— Батюшка от. Ксенофонтъ, — сказалъ онъ, едва сдерживая свое волненіе, — забылъ здѣсь кондуитный журналъ и прислалъ меня за нимъ . . .

Преподаватели никогда не могли ожидать такой дерзости, какъ подслушиваніе у дверей. Имъ показался немного страннымъ не столько выборъ посланнаго, сколько требованіе со стороны добродушнаго священника кондуитнаго журнала.

— Что это? — вскричалъ Петръ Матвѣевичъ — неужели от. Ксенофонтъ вынужденъ въ третьемъ классѣ записывать воспитанниковъ . . . Кого?

— Меня! — рѣзко отвѣтилъ мальчикъ, съ лицомъ, искаженнымъ отъ злобы.

Всѣ въ учительской съ удивленіемъ смотрѣли на него.

— Васъ? Это вы почему знаете? — спросилъ Дмитрій Ильичъ.

— Такъ уже . . . Четыре раза я сегодня записанъ, такъ и пятый не будетъ лишнимъ!

Такъ Ѳоминъ былъ грубъ и дерзокъ.

— Бѣдный, бѣдный ребенокъ! — прошепталъ Ѳедоръ Васильевичъ.

Мальчикъ услышалъ это и смѣрилъ старика взглядомъ, въ которомъ такъ и горѣла непримиримая злоба.

Онъ поспѣшно схватилъ журналъ и, позабывъ даже расшаркаться, убѣжалъ.

Въ груди его такъ и клокотали рыданія . . . Ѳоминъ едва-едва могъ сдержать ихъ . . .

— Гдѣ ты пропадалъ, братецъ, — встрѣтилъ его от. Ксенофонтъ, — мы уже безъ тебя соскучиться

успѣли . . . Такъ вотъ, ты и услади насъ . . . Читай-ка наизусть сугубую ектенью . . .

Волненіе мальчика было настолько сильно, что онъ только шевелилъ губами, не будучи въ состояніи произнести слова.

— Погромче-бы не мѣшало! — подбодрилъ его от. Ксенофонтъ, но Ѳоминъ молчалъ по прежнему . . .

Весь классъ замеръ въ ожиданіи, что будетъ изъ этого.

— Такъ-съ! Причина сего понятна! — возгласилъ батюшка, — по обыкновенію — ни въ зубъ . . . Такъ вались тогда дерево на дерево (это была его любимая острота), а мы тебя коломъ подопремъ . . . А чтобы подольше въ памяти осталось, такъ еще въ сію «книгу живота» внесемъ о нерадѣніи и неспѣшеніи . . .

Классъ такъ и ахнулъ . . .

Батюшка от. Ксенофонтъ чуть-ли не впервые открывалъ кондуитный журналъ . . .

Но съ Ѳоминымъ вдругъ произошла рѣзкая перемѣна. Онъ выпрямился, встряхнулъ головой, и, даже не дожидаясь позволенія законоучителя, пошелъ на свое мѣсто. На поблѣднѣвшемъ лицѣ его такъ змѣилась злобная улыбка. Всякій маломальски наблюдательный человѣкъ при взглядѣ на мальчика сразу понялъ-бы, какая буря бушевала въ его душѣ . . .

На послѣднемъ урокѣ Ѳоминъ не получилъ единицы и не былъ записанъ только потому, что учитель заболѣлъ, не явился въ гимназію и третій классъ былъ распущенъ по домамъ на цѣлый часъ ранѣе.

Ѳоминъ вышелъ, гордо поднявъ голову, не обращая вниманія на товарищей.

Смородинъ, все время не спускавшій съ него глазъ, понялъ, что творится съ нимъ.

Ему невыразимо жалко стало Ѳомина . . . Чуткая

душа Володи понимала, почему такая злоба кипитъ въ этомъ юномъ сердцѣ . . .

— Антонъ, я съ тобой! — догналъ онъ быстро шагавшаго товарища.

— Прочь отъ меня — закричалъ тотъ, — всѣ прочь . . . Никого мнѣ не надо . . . всѣ вы волки . . . волки . . . проклятые . . . Ненавижу васъ . . .

И онъ опрометью пустился бѣжать прочь отъ Смородина . . .

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Роковой день.

Съ этого самаго дня Ѳоминъ будто переродился. Онъ сталъ вновь неузнаваемымъ. Мальчикъ весь замкнулся въ самомъ себѣ и держалъ себя совершенно въ сторонѣ отъ товарищей. Онъ пе́ресталъ принимать даже малѣйшее участіе въ обычныхъ играхъ, ни къ кому не подходилъ самъ, а если кто-нибудь изъ товарищей подходилъ къ нему, сейчасъ-же удалялся, не говоря ни слова. Прежній неисправимый шалунъ исчезъ, былъ совсѣмъ новый Ѳоминъ . . .

Опала и учительская и товарищеская, не была еще снята съ него, но впечатлѣніе сглаживалось, и мало помалу все позабылось-бы, но Ѳоминъ вскорѣ поспѣшилъ самъ напомнить о печальномъ событіи.

Какъ только Ѳедоръ Васильевичъ пришелъ, оправившись отъ своей болѣзни, въ классъ, Ѳоминъ заявилъ ему, что онъ не желаетъ болѣе учиться нѣмецкому языку.

— Почему-же это такъ, мой молодой другъ? — удивился старикъ-учитель, — развѣ этотъ предметъ вамъ труденъ?

— Нѣтъ! — было отвѣтомъ — нисколько!

— Тогда я не понимаю, почему-же?

— На немъ Бисмаркъ говорилъ! — грубо отрѣзалъ мальчикъ.

Ѳедоръ Васильевичъ взглянулъ на него своими кроткими, лучистыми глазами.

— Что вамъ Бисмаркъ, Ѳоминъ? — тихо спросилъ онъ, — дай Богъ и нашей родинѣ побольше такихъ-же, какъ Бисмаркъ, сыновъ . . . Впрочемъ, я васъ не принуждаю. Одинъ изъ новыхъ языковъ необязателенъ, и вы въ правѣ отказаться отъ какого-нибудь изъ нихъ . . . Мнѣ жаль потерять васъ, но что-же дѣлать? . . Насильно милъ не будешь? . . Можете не заниматься нѣмецкимъ . . . Прошу васъ, садитесь на свое мѣсто . . . А мы, господа, будемъ продолжать наши занятія . . .

Ѳоминъ отошелъ отъ каѳедры даже безъ обычнаго поклона учителю.

Въ теченіе всего часа онъ дѣлалъ видъ, что нисколько не интересуется урокомъ, но на самомъ дѣлѣ внимательно слѣдилъ и за объясненіями учителя, и за его вопросами, и за отвѣтами товарищей. Никогда еще мальчикъ не былъ такъ внимателенъ, какъ на этомъ урокѣ . . . Къ концу его онъ зналъ все, что задалъ на слѣдующій разъ Ѳедоръ Васильевичъ, гораздо лучше, чѣмъ самые прилежные изъ его товарищей . . .

Въ перемѣну къ нему подошелъ Володя Смородинъ.

— Антонъ, — сказалъ онъ задушевнымъ голосомъ, — хочешь, я съ тобой буду сидѣть? Я попрошусь у Ивана Васильевича, и меня навѣрно пересадятъ.

Мальчикъ взглянулъ изъ-подлобья на товарища и отвѣтилъ:

— Не надо!

— Почему-же не надо?

— Милостей не принимаю . . .

— Никакихъ тутъ милостей нѣтъ, Ѳоминъ! — воскликнулъ Володя, — наконецъ, я имѣю право сидѣть, гдѣ мнѣ угодно... Вотъ, я и хочу сѣсть съ тобой.

— А я этого не хочу! Слышишь, не хочу!.. Если ты выпросишься на мою теперешнюю парту, я уйду на другую...

Тонъ его былъ настолько рѣшителенъ, что Смородинъ не сталъ настаивать и остался на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

Оставили въ покоѣ Ѳомина и другіе товарищи. Только одинъ Макаровъ порывался было «задѣвать» его, но Антонъ мѣрилъ такими грозно-злобными взглядами «великовозрастнаго Голіафа», что тотъ спѣшилъ отходить, не говоря ни слова.

Такъ шло время.

Мало по малу всѣ товарищи отшатнулись отъ вѣчно угрюмого Ѳомина...

Мальчикъ несказанно былъ радъ этому.

Теперь онъ могъ на свободѣ отдаваться своимъ думамъ и мечтамъ. Мысли въ его головѣ роились, что пчелы. Но Ѳоминъ не думалъ о томъ, что, можетъ быть, ему очень скоро придется оставить гимназію — съ этой мыслью онъ уже свыкся. Нѣтъ, онъ все время думалъ о томъ неизвѣстномъ благодѣтелѣ, который уже дважды уплатилъ въ гимназію за его ученье.

«Кто это? зачѣмъ онъ такъ дѣлаетъ! думалось мальчику, — что ему за охота платить за чужихъ дѣтей... Вѣрно, это человѣкъ «не отъ міра своего» (эту фразу Ѳоминъ часто слыхалъ). Что ему переболѣли эти чужія дѣти?

Но напрасно мучился Ѳоминъ — отвѣта на эти вопросы не было...

Въ мечтахъ неизвѣстный благодѣтель представлялся всегда Ѳомину молодымъ прекраснымъ человѣ-

комъ, съ такими-же, какъ и у него, огненно-красными волосами. Лицо его должно быть непремѣнно нѣсколько худощавое, блѣдноватое, съ веснушками — какъ и у него, Ѳомина. Въ дѣтствѣ этотъ человѣкъ очень многое вытерпѣлъ: его всѣ преслѣдовали, всѣ ненавидѣли, у него вмѣсто родимыхъ отца и матери были злые вотчимъ и мачеха. Вотъ онъ, узнавъ по собственному опыту, какъ тяжело живется сиротамъ, и рѣшилъ стать ихъ защитникомъ. Онъ, какъ только выросъ, сейчасъ же уѣхалъ въ Южную Америку. Тамъ добрая фея помогла ему отыскать сказочныя богатства Монтезумы, послѣдняго царя касиковъ. Тогда онъ сталъ богатъ, богаче даже графа Монте-Кристо, и всѣ свои богатства онъ сталъ употреблять на взносъ платы за недостаточныхъ учениковъ гимназій . . .

Такъ мечталъ этотъ мальчикъ. Какъ онъ страстно любилъ въ этихъ мечтахъ своего неизвѣстнаго благодѣтеля! Не зная его, онъ всей своей душою привязался къ нему. Даже сердце его смягчалось, даже злоба и ненависть значительно утихали въ душѣ его подъ вліяніемъ этой первой, пламенной любви. Что-же, что онъ не зналъ этого своего благодѣтеля? Воображеніе ярко рисовало его образъ. И онъ, Ѳоминъ, когда выроститъ и станетъ большимъ, будетъ такимъ-же. Навѣрное, на землѣ гдѣ-нибудь остался еще кладъ. О, стоитъ только найти его, а найти нужно непремѣнно, и тогда за всѣхъ, за всѣхъ безъ исключенія недостаточныхъ учениковъ: и лѣнтяевъ, и прилежныхъ, и шалуновъ, и тихонь, всегда будетъ внесена плата, въ воспоминаніе того благодѣянія, которое было оказано «неизвѣстнымъ» ему обиженному, загнанному Ѳомину . . .

Но, отдавъ свое сердце созданному воображеніемъ благодѣтелю, Ѳоминъ не забывалъ своей ненависти

къ Ѳедору Васильевичу. День ото дня все болѣе и болѣе скоплялось въ душѣ мальчика злобы къ старику-учителю. Ѳоминъ все придумывалъ, чтобы ему устроить такое, что причинило-бы бѣдному учителю непоправимый вредъ. Но, странно, когда Ѳедоръ Васильевичъ иногда взглядывалъ на него своими лучистыми глазами, Ѳоминъ не могъ вынести этого взгляда и потупливался.

Такъ шелъ день за днемъ.

Ѳоминъ какъ будто даже исправился. По крайней мѣрѣ учителямъ уже не было поводовъ записывать его въ кондуитный журналъ. Онъ даже задаваемые на домъ уроки иногда зналъ.

— Не вѣрю я въ это исправленіе, — говорилъ однако Петръ Матвѣевичъ, когда рѣчь заходила о Ѳоминѣ. — Волкъ только вырядился въ овечью шкуру.

— Однако, всѣ факты на лицо! — горячо заступался за мальчика Ѳедоръ Васильевичъ, — онъ исправился, или, по крайней мѣрѣ, началъ свое исправленіе. Это очевидно!

— Просто онъ притихъ! Понялъ, что противъ него подозрѣнія, и притихъ . . . Да чего вы теперь за него заступаетесь? Вѣдь, онъ даже не вашъ ученикъ . . .

— Это все равно . . . Ѳоминъ — будущій человѣкъ! Какъ мы можемъ знать, что изъ него выйдетъ? Развѣ мало примѣровъ тому, что лѣнивыя и испорченныя дѣти, ставъ взрослыми, дѣлались знаменитыми людьми? . . Развѣ не наша задача воспитывать не только ихъ умъ, но и душу?

Такъ заступался добрый старикъ за опальнаго ученика постоянно.

Кончилось это тѣмъ, что коллеги Іогансена стали смягчаться и глядѣть на Ѳомина нѣсколько иначе, чѣмъ раньше.

Приближался день, который могъ быть для этого ученика роковымъ. Въ первыхъ числахъ сентября разнеслась по классамъ вѣсть, что педагогическій совѣтъ состоялся, мѣсячныя отмѣтки по поведенію выставлены. Тотчасъ послѣ этого по классамъ долженъ былъ пройти директоръ и прочесть гимназистамъ баллы.

Ѳоминъ этого дня ждалъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Участь его должна была рѣшиться. О поведеніи своемъ онъ не думалъ. Онъ зналъ, что больше тройки ему не получить, и въ то же время подслушанный разговоръ учителей давалъ ему увѣренность, что его не выгонятъ пока еще изъ гимназіи. Гроза приближалась съ другой стороны. Вмѣстѣ съ баллами о поведеніи долженъ былъ быть прочитанъ списокъ учениковъ, родители которыхъ не внесли въ гимназію денегъ, слѣдуемыхъ за ученіе. Послѣ прочтенія этого списка по заведенному обычаю давалось еще полмѣсяца, и если въ этотъ срокъ деньги не поступали, неисправный плательщикъ лишался впредь до уплаты всей суммы права посѣщать классы.

Эта система была извѣстна всѣмъ воспитанникамъ гимназіи.

Ѳоминъ рѣшилъ, если только его имя будетъ въ этомъ спискѣ, бросить гимназію даже до истеченія полумѣсячнаго срока. Зналъ онъ, что отчимъ и не думаетъ о взносѣ, а на «неизвѣстнаго» онъ не надѣялся. Почему? — этого онъ и самъ не могъ себѣ объяснить. Ему то казалось, что «неизвѣстный» умеръ, и такимъ образомъ его благодѣянія естественнымъ образомъ прекратились, то приходило въ голову, что этотъ добрый человѣкъ узналъ про его проступокъ съ Ѳедоромъ Васильевичемъ, разсердился на него и лишилъ его за эту злую шалость своего расположенія . . .

Мальчикъ волновался ужасно.

Дни тянулись долго. Иногда Ѳомина такъ и подмывало пойти къ директору и спросить, въ какомъ положеніи вопросъ о платѣ его за ученіе, но онъ прекрасно понималъ, что это болѣе чѣмъ неудобно.

Наконецъ, по гимназіи разнеслось извѣстіе, что Михаилъ Павловичъ былъ въ шестомъ классѣ и читалъ баллы по поведенію. Вся эта процедура обыкновенно кончалась въ одинъ день. Сердце Ѳомина такъ и замирало. Такъ или иначе, участь его должна была рѣшиться . . .

У мальчика даже голова закружилась, когда онъ увидѣлъ крупную фигуру Костырева на порогѣ третьяго класса. Директоръ съ шумомъ растворилъ дверь и вошелъ въ классъ, дѣлая по своему обыкновенію крупные шаги и хмуря свои густыя съ просѣдью брови.

Гимназисты быстро повскакали со своихъ мѣстъ. Михаилъ Павловичъ пожалъ руку учителю географіи, урокъ котораго шелъ въ это время, потомъ досталъ изъ портфеля листъ и, когда мальчики успокоились, сталъ читать баллы.

Голосъ у Михаила Павловича былъ густой, высокій, съ малороссійскимъ акцентомъ. Каждое слово и даже удареніе въ словѣ выходили у него отчетливо рѣзко. Особенно это было замѣтно, когда Михаилъ Павловичъ произносилъ числительное «пять», которое онъ выговаривалъ: «пьять». Ѳомину было все это хорошо извѣстно. Онъ почти не слушалъ, что читалъ директоръ, и дожидался только, когда Михаилъ Павловичъ произнесетъ его фамилію.

Большинство воспитанниковъ получило пятерки и пятерки съ минусомъ. Были четверки и три тройки.

Наконецъ, директоръ дошелъ до послѣдней въ спискѣ фамиліи.

— Ѳоминъ — громко произнесъ онъ, дѣлая характерное удареніе на второмъ отъ конца слогѣ.

Назвавъ эту фамилію, Михаилъ Павловичъ остановился и взглянулъ на мальчика.

Всѣ гимназисты вдругъ обратили голову въ сторону товарища и устремили на него свои взгляды. Тотъ стоялъ, опершись рукой на парту, голова его была гордо закинута назадъ. Сверкающій взглядъ, казалось, такъ и говорилъ:

«А вотъ, что хотите, то и дѣлайте, а я не сдамся!»

— Ѳоминъ Антонъ, — медленно, растягивая слова, подчеркивая каждое изъ нихъ, продолжалъ Костыревъ — четыре съ минусомъ!

Что-то хрустнуло въ сторонѣ Ѳомина . . . Это — мальчикъ внѣ себя отъ волненія разорвалъ тетрадь, на которую опирался . . .

— За васъ, Ѳоминъ, — продолжалъ, повышая голосъ, директоръ, — особенно ходатайствовалъ на педагогическомъ совѣтѣ преподаватель нѣмецкаго языка Ѳедоръ Васильевичъ Іогансенъ. Онъ главнымъ образомъ собралъ и представилъ факты, доказавшіе педагогическому совѣту, что вы начинаете исправляться . . . Ему вы и обязаны повышеніемъ балла за поведеніе.

Вопль, хриплый, близко граничившій съ рыданіемъ, вырвался изъ горла мальчика.

— Не надо мнѣ этого, не надо! — захлебываясь слезами, но все-таки сдерживая ихъ, лепеталъ Ѳоминъ.

— Чего вамъ не надо, Ѳоминъ? — спросилъ директоръ, ожидая добровольнаго признанія.

— Заступничества . . . благодѣянія . . . Я милостыни принимать ни отъ кого не желаю . . . довольно съ меня . . .

Михаилъ Павловичъ покачалъ своей сѣдою головою. Глаза его отражали жалость и искреннее сочувствіе.

— Ахъ, дитя, дитя неразумное! — произнесъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе, — никто о милостынѣ и не говоритъ . . . Гдѣ вы видите милостыню? . . Добрый человѣкъ заботился о васъ, а вы . . . Ну, прекратимъ это . . . У насъ еще есть одно дѣло очень серьезное, и очень для меня печальное . . . за нѣкоторыхъ изъ васъ, дѣти, не внесена плата за ученье . . . Уставъ гимназій не допускаетъ этого. Стипендій свободныхъ нѣтъ, общество воспоможенія нуждающимся ученикамъ нашей гимназіи, къ сожалѣнію, не обладаетъ средствами . . . Что дѣлать, грустно мнѣ, а долженъ предварить, что тѣ ученики, фамиліи которыхъ я прочту, должны оставить гимназію, если въ теченіе двухъ недѣль за нихъ не будетъ внесена установленная плата.

«Скорѣе, скорѣе читай! — такъ и хотѣлось крикнуть Ѳомину, — зачѣмъ томишь»!

Онъ едва сдерживался . . .

Если-бы директоръ промедлилъ еще немного, это восклицаніе сорвалось бы съ губъ Ѳомина помимо его воли . . .

Михаилъ Павловичъ громко и отчетливо прочелъ пять фамилій.

Фамиліи Ѳомина среди нихъ не было . . .

Окончивъ чтеніе, Костыревъ убралъ бумаги въ портфель, простился съ географомъ и пошелъ къ дверямъ. На порогѣ онъ остановился (это онъ дѣлалъ всегда) и, погрозивъ гимназистамъ пальцемъ, съ дѣланною суровостью въ голосѣ произнесъ:

— Охъ, мнѣ эти Клейны, Муравьевы, Ѳомины! шалуны и безобразники — дамъ я вамъ!

Это была обычная фраза Михаила Павловича, которой онъ хотѣлъ прикрыть свое добродушіе и искреннюю любовь къ дѣтямъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Находка.

Трудно было-бы передать, что творилось въ душѣ Ѳомина въ эти мгновенія. Сперва онъ даже не повѣрилъ своимъ ушамъ . . . Въ спискѣ исключаемыхъ за невзносъ платы и на этотъ разъ его не было . . . Да, какъ-же это? Опять вмѣшался таинственный «неизвѣстный», опять безъ просьбы, безъ желанія, даже безъ намека на благодарность — иначе къ чему же была такая таинственность? — ему, Ѳомину было оказано величайшее благодѣяніе . . . Да, кто-же это, кто это могъ быть? Чѣмъ заслужилъ Ѳоминъ такую милость? . . Какъ найти этого человѣка — «маньяка», какъ назвалъ его Іогансенъ, какъ найти, чтобы въ благодарность отдать ему всего себя, всю жизнь, всѣ помыслы, всѣ порывы . . . Вѣдь, эта жизнь принадлежитъ ему, этому «неизвѣстному», по справедливости принадлежитъ . . . До сихъ поръ Ѳоминъ чувствовалъ себя одинокимъ, чужимъ всему міру, и въ этомъ мірѣ нашелся кто-то, для кого онъ, этотъ одинокій озлобленный мальчикъ, готовый на все дурное, вдругъ оказался близокъ, дорогъ . . . О, если-бы только узнать этого «неизвѣстнаго»!

Мальчикъ такъ увлекся своими думами, что даже и не замѣтилъ, какъ глядитъ на него преподаватель. Онъ очнулся только тогда, когда вдругъ услышалъ сердитый голосъ:

— Ѳоминъ!

Онъ вскочилъ съ парты и растерянно глядѣлъ по сторонамъ.

— Изволили проснуться? — продолжалъ учитель, — такъ, пожалуйста, продолжайте отвѣчать съ того мѣста, гдѣ остановился Курлаковъ . . . Мы слушаемъ . . . Что-же вы? . .

Растерявшійся мальчикъ молчалъ. Сразу, съ облаковъ, онъ сталъ лицомъ къ лицу съ грозной дѣйствительностью.

— Да, о чемъ говорилъ-то Курлаковъ? — послѣдовалъ новый вопросъ.

— О . . . о . . . о Персіи! — вымолвилъ Ѳоминъ первое, что пришло ему въ голову.

Громкій хохотъ всего класса встрѣтилъ этотъ отвѣтъ.

— Видите-ли, васъ только что похвалили, — сказалъ преподаватель, — только что педагогическій совѣтъ былъ обрадованъ вашимъ исправленіемъ, а вы уже стремитесь доказать намъ, что наша радость, наши надежды — пустой призракъ . . . Вы, только что повысившись изъ поведенія, получившаго такую оцѣнку, какой уже давно мы не могли сдѣлать, спѣшите возвратиться на прежнюю дорогу. Вы забыли, или, вѣрнѣе, не захотѣли запомнить того, что обозрѣніе государствъ Азіи, Африки, Америки точно такъ же, какъ и обозрѣніе Австраліи было предметомъ занятій во второмъ классѣ и уже окончено нами, вы не желаете знать, что мы теперь обозрѣваемъ государства Европы. — Это фактъ! Какъ мнѣ это ни прискорбно, а я вынужденъ занести въ кондуитный журналъ о вашемъ невниманіи къ тому, что происходитъ въ классѣ . . . Во ремя класса преподаватели спрашиваютъ, а ученики отвѣчаютъ не за тѣмъ, чтобы нѣкоторые изъ послѣднихъ пропускали, что говорится мимо ушей . . . Пользу отъ урока можно ждать только тогда, когда всѣ ученики мысленно слѣдятъ за отвѣтами вызваннаго преподавателемъ товарища, мысленно отвѣчаютъ на задаваемые преподавателемъ вопросы и мысленно исправляютъ замѣченныя въ отвѣтахъ товарища ошибки. Тогда только и возможно получить основательное знаніе.

Вотъ, что я хотѣлъ сказать вамъ и всѣмъ.. Садитесь, Ѳоминъ!

Ѳоминъ давно уже пересталъ слушать, что говоритъ учитель. Онъ снова ушелъ въ свои мысли, снова его воображеніе разыгралось, рисуя ему самыя блестящія картины будущаго, въ которомъ онъ непремѣнно найдетъ и отблагодаритъ «неизвѣстнаго» друга . . . Онъ сѣлъ машинально, не обращая даже вниманія на то, что преподаватель исполнилъ свою угрозу и занесъ новую запись о немъ въ кондуитный журналъ.

Это произошло на третьемъ урокѣ. Въ большую перемѣну мальчикъ окончательно пришелъ въ себя. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, безконечно счастливымъ. Будто многопудовый камень скатился съ его сердца. Ему даже захотѣлось и съ другими подѣлиться своимъ счастіемъ. Тогда Ѳоминъ вспомнилъ о Смородинѣ. Этотъ товарищъ былъ добрѣе всѣхъ къ нему. Съ нимъ и рѣшилъ заговорить послѣ долгаго промежутка Антонъ. Но случилось такъ, что Володи Смородина въ этотъ день въ классѣ не было. Ѳомину вдругъ стало до боли жутко. Онъ почувствовалъ весь ужасъ своего постояннаго одиночества. Но подойти къ кому-либо другому онъ не рѣшался. Мѣшала гордость — когда Ѳоминъ былъ несчастенъ, всѣ отъ него отвернулись, такъ зачѣмъ-же искать ему вниманія, въ то время, когда сама судьба побаловала теперь его своей чуть-ли не первою въ его жизни ласкою . . .

На двухъ послѣднихъ урокахъ мальчика просто узнать было нельзя. Четвертымъ была въ этотъ день математика. Бѣлковъ съ удивленіемъ наблюдалъ своего обыкновенно лѣниваго и невнимательнаго ученика. Онъ задолго до другихъ рѣшалъ сложныя задачи, и рѣшалъ безъ ошибки. Когда Иванъ Василье-

вичъ объяснилъ правило процентовъ, Ѳоминъ не только вызвался повторить всѣ объясненія, но даже сумѣлъ это сдѣлать такъ, что классъ понялъ болѣе изъ его словъ, чѣмъ изъ словъ учителя.

Классный наставникъ только головой качалъ глядя на Ѳомина.

— А все-таки вы записаны сегодня на урокѣ географіи за невниманіе! — не утерпѣлъ онъ — въ чемъ вы попались?

Ѳоминъ по своей привычкѣ только презрительно пожалъ плечами. —

— Мнѣ жаль васъ — продолжалъ Иванъ Васильевичъ, — а вы все таки должны будете остаться сегодня послѣ классовъ на полчаса . . . Но я не могу скрыть, что сегодняшними вашими отвѣтами и вашимъ поведеніемъ на моемъ урокѣ вы доставили мнѣ искреннее удовольствіе!

Въ послѣднюю перемѣну передъ пятымъ урокомъ, спѣша на свое мѣсто, Ѳоминъ въ корридорѣ набѣжалъ на Ѳедора Васильевича, проходившаго въ сосѣдній второй классъ. Мальчикъ даже слегка толкнулъ старика, но сейчасъ-же, какъ змѣей ужаленный, откинулся прочь. Несмотря на все счастье, которымъ такъ полна была его душа въ эти мгновенія, онъ почувствовалъ, что при видѣ этого старика дикая, безпричинная злоба снова закипѣла въ его сердцѣ. Но Ѳедоръ Васильевичъ истолковалъ его движеніе иначе.

— Ничего, мой дорогой, ничего — закивалъ онъ ему головой, въ то-же время кротко улыбаясь, — я вижу, что вы это нечаянно, но зачѣмъ вы такъ на меня зло смотрите?

Въ самомъ дѣлѣ взглядъ Ѳомина отражалъ въ себѣ такую ненависть, что Ѳедору Васильевичу даже не по себѣ стало.

— Я всегда такъ смотрю — пробормоталъ мальчикъ и безъ обычнаго поклона прошмыгнулъ въ свой классъ.

И на слѣдующемъ — послѣднемъ урокѣ — исторіи, которую преподавалъ тотъ-же учитель, что и географію, Ѳоминъ былъ неузнаваемъ.

Преподаватель, вызвавшій его сейчасъ-же послѣ прихода въ классъ, очевидно, припомнивъ, его невнимательность къ географіи, не скрывая даже своего удивленія смотрѣлъ на этого доселѣ нерадиваго ученика. Ѳоминъ развернулъ учебникъ Беллярминова, по которому въ N-ской гимназіи проходили исторію, всего только за минуту передъ вызовомъ, но тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ просмотрѣть заданное, если не во всемъ объемѣ урока, то, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ. Этого было достаточно съ него. Откуда это взялось? Разсказъ о событіяхъ изъ древно-греческой исторіи лился живо и свободно и даже красиво. Довольно было Ѳомину факта, чтобы сейчасъ-же возстановились въ его памяти всѣ детали его. Явилось краснорѣчіе, цвѣтистость въ изложеніи. Даже классъ заслушался своего опальнаго товарища.

— Не знаю, что и поставить вамъ за вашъ отвѣтъ! — говорилъ преподаватель, — за сегодняшній урокъ вамъ и пяти мало, но принимая во вниманіе ваши предыдущіе успѣхи . . .

— Спросите изъ пройденнаго! — вызывающе предложилъ Ѳоминъ!

— Развѣ? Ну, извольте! Посмотримъ, что за чудо съ вами свершилось такое . . .

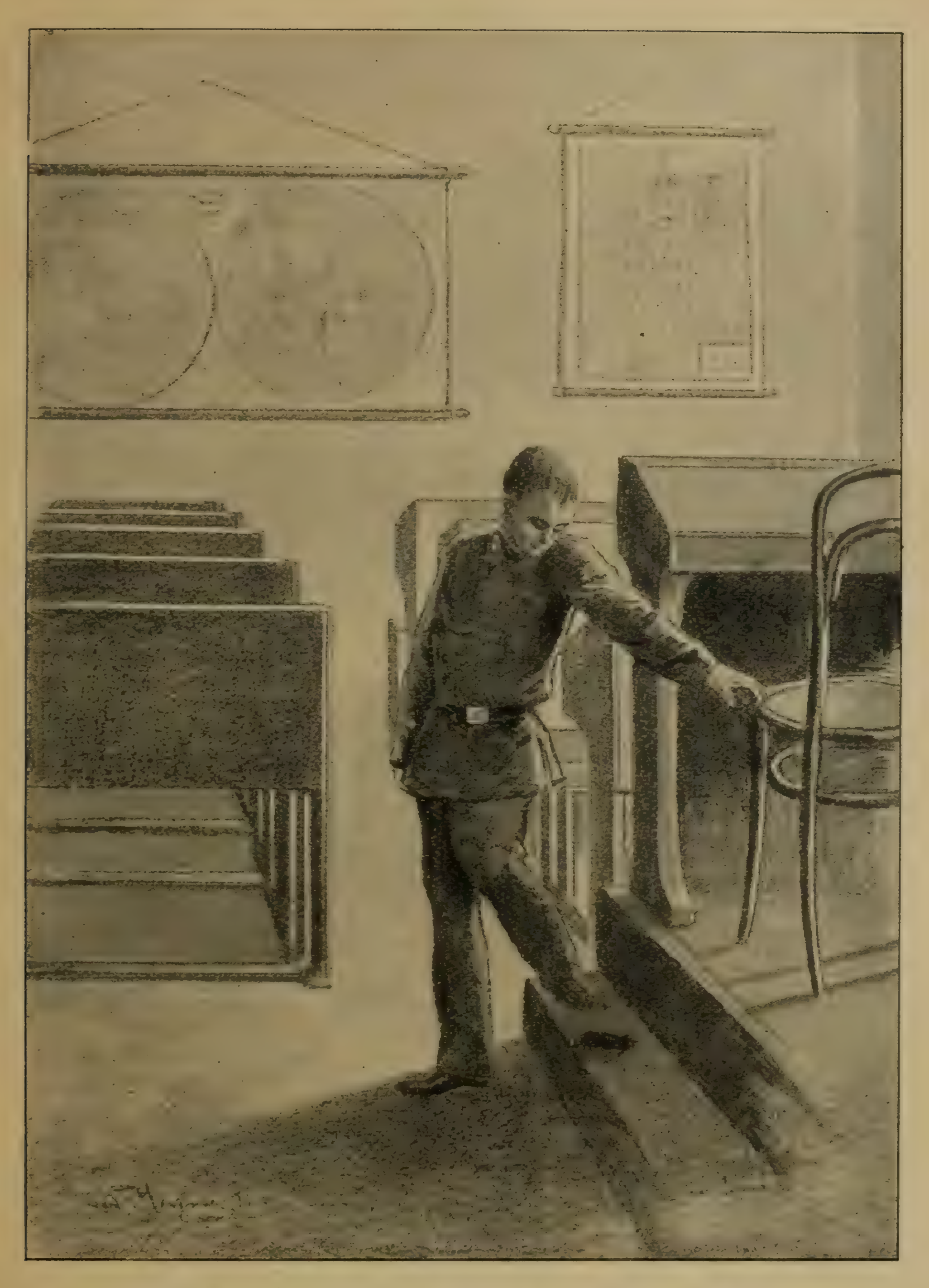
На всѣ заданные вопросы мальчикъ отвѣтилъ безъ запинки. Оказалось, что даже и хронологію онъ зналъ «на зубокъ» . . . Впечатлительные подростки, видя, какъ ихъ товарищъ отличился дважды подъ рядъ, попытались даже похлопать ему.

— Садитесь, Өоминъ, — совсѣмъ уже другимъ тоонмъ, чѣмъ прежде, сказалъ ему преподаватель. — Трудно повѣрить, но противъ очевидности спорить нельзя! Я ставлю вамъ пять . . . Хотѣлось-бы прибавить къ этому баллу плюсъ, но мы его оставимъ для слѣдующаго раза . . . Не такъ-ли? Если вы будете мнѣ отвѣчать такъ всегда, вы, я обѣщаю вамъ это, будете у меня по исторіи первымъ ученикомъ! Садитесь . . . Но, прошу васъ объ одномъ, не разрушайте, хотя на сегодня, моихъ иллюзій и будьте внимательны . . .

Гордый сознаніемъ своего полнаго торжества, съ высоко поднятой головой и блистающими отъ внутренняго удовольствія глазами, прошелъ мальчикъ на свою предпослѣднюю отъ стѣны парту и сѣлъ тамъ, отвернувшись всѣмъ корпусомъ отъ класса, какъ-бы желая показать этимъ, что онъ ни на кого не хочетъ смотрѣть. Преподаватель замѣтилъ эту позу и поспѣшилъ обратиться къ Өомину съ неожиданнымъ вопросомъ. Но «подловить» мальчика на невниманіи ему не удалось. Өоминъ моментально отвѣтилъ на предложенный вопросъ. То-же повторилось еще и еще разъ. Өоминъ былъ неуловимъ. Преподаватель только пожималъ отъ удивленія плечами.

Но остаться послѣ уроковъ Өомину все-таки пришлось. Классный наставникъ сдѣлалъ помѣтку въ журналѣ, и Дмитрій Ильичъ, несмотря даже на заявленія историка, записавшаго мальчика на урокѣ географіи, не счелъ себя въ правѣ измѣнить это распоряженіе.

Впрочемъ Өоминъ не особенно досадовалъ. Онъ даже былъ радъ тому, что останется одинъ на полчаса въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ ему пришлось вынести столько обидъ и униженія. Классы были распущены. Сторожа, знавшіе объ оставленномъ ученикѣ,

Невольно онъ взглянулъ подъ ноги и увидѣлъ какой-то черный предметъ.

по заведенному въ этихъ случаяхъ порядку не показывались въ корридорѣ, куда выходили второй и третій классы. Дмитрій Ильичъ, которому волей-неволей изъ-за одного Ѳомина приходилось просидѣть лишнихъ полчаса, былъ вызванъ въ учительскую.

— Я въ виду заявленій о васъ сегодня Ивана Васильевича и преподавателя исторіи, рѣшилъ довѣриться вамъ, Ѳоминъ, — сказалъ Дмитрій Ильичъ, — и попрошу васъ пробыть безъ шалостей нѣсколько минутъ, пока я буду въ отсутствіи.

— Можете быть покойны, Дмитрій Ильичъ, — отвѣтилъ Ѳоминъ, — я ничего не нашалю . . .

Классный надзиратель ушелъ, мальчикъ остался одинъ.

Нѣсколько мгновеній онъ удивленно оглядывался вокругъ. Все въ классѣ показалось ему новымъ, никогда еще невиданнымъ. Эти потрескавшіяся ландкарты на стѣнахъ, эти исчерченныя мѣломъ доски, парты — все, все было ему ново и дорого . . .

Ѳомину показалось, что онъ не видалъ гимназіи, не видалъ своего класса. Онъ обошелъ по всѣмъ проходамъ, взобрался на кафедру и посидѣлъ на ней. Этого ему показалось мало. Онъ вышелъ изъ своего класса и отправился въ сосѣдній — второй. И тамъ онъ внимательно разсматривалъ все, что попадалось ему на глаза. Точно также, какъ и въ своемъ классѣ, онъ забрался на каѳедру, усѣлся на учительскій стулъ и съ чувствомъ самодовольства подумалъ:

«У насъ, въ третьемъ лучше! И каѳедра выше, и классъ чище»!

Сходя со стула, Ѳоминъ поскользнулся и едва не упалъ. Невольно онъ взглянулъ подъ ноги и увидѣлъ какой-то черный предметъ, лежавшій въ углубленіи

подъ каѳедрой. Онъ нагнулся и поднялъ его. Это былъ старенькій кожаный, туго набитый бумажникъ.

«Вѣрно, кто изъ учителей обронилъ» — подумалъ Ѳоминъ и хотѣлъ было отнести находку къ Дмитрію Ильичу.

Но тутъ онъ вспомнилъ, что въ этомъ классѣ послѣднимъ урокомъ былъ нѣмецкій . . .

«Ужъ не нѣмцевъ-ли это бумажникъ? — промелькнула съ быстротой молніи въ его мозгу мысль и вдругъ измѣнила всѣ его намѣренія . . .

«Нѣмцевъ! Нѣмцевъ это бумажникъ!» — шепталъ мальчикъ, знавшій сплетню о томъ, что Ѳедоръ Васильевичъ «даетъ подъ проценты». — Сама судьба отдаетъ мнѣ его! да, судьба . . . случай . . . Тамъ, вѣрно, всѣ расписки тѣхъ бѣдняковъ, которыхъ опутывалъ этотъ паукъ! Хорошо-же! я знаю, какъ поступить! Сколько людей я спасу! Если я здѣсь найду расписки, я . . .

Онъ поспѣшилъ вернуться къ себѣ въ классъ и тщательно спряталъ находку въ ранецъ.

Вернувшійся Дмитрій Ильичъ засталъ его глубоко задумавшагося.

Мальчикъ не слыхалъ даже его шаговъ.

— Идите, Ѳоминъ, — ласково сказалъ ему классный надзиратель, — я отпускаю васъ на пять минутъ раньше.

Всю дорогу до дому Ѳоминъ находился въ необыкновенно возбужденномъ состояніи . . .

— За все, за всѣхъ нѣмцу отомщу! — думалъ онъ, — это будетъ моею благодарностью «неизвѣстному». Онъ спасаетъ меня, я изорву всѣ расписки и векселя, какія найду въ этомъ проклятомъ бумажникѣ . . . Пусть люди зовутъ это преступленіемъ, но я знаю, что послѣдствіемъ этого преступленія будетъ счастье многихъ людей, и они мнѣ будутъ такъ-же

благодарны, какъ благодаренъ я моему неизвѣстному благодѣтелю . . .

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

На обрывѣ.

Володя Смородинъ рѣдко когда пропускалъ уроки. Мальчикъ былъ онъ крѣпкій и никогда не хворалъ. Пропускать-же классы ему по большей части приходилось по семейнымъ обстоятельствамъ. Въ семейные праздники, чтобы не обидѣть родныхъ, онъ всегда оставался дома. Такъ было и въ тотъ день, когда директоръ прочелъ въ гимназіи отмѣтки за поведеніе. Былъ день рожденія тетки Володи, и онъ волей-неволей не пошелъ въ классъ.

Скучно было мальчику, привыкшему къ обычнымъ въ теченіе дня школьнымъ занятіямъ. Отдыхъ въ неурочное время тяготилъ его. Смородинъ поздравилъ тетю и дядю, побывалъ съ ними въ церкви, позавтракалъ съ ними, потомъ оба старшихъ уѣхали, и мальчикъ остался одинъ. Время тянулось невыносимо долго. Володя не зналъ, какъ убить его. Онъ взялъ книгу — не читалось. Дѣлать положительно было нечего. Скука одолѣвала. Напрасно мальчикъ безъ цѣли бродилъ то по комнатамъ, то по саду. Часовыя стрѣлки, будто умышленно, еле-еле двигались по циферблату. Наконецъ онѣ кое-какъ добрались до половины четвертаго. Смородинъ вспомнилъ, что около этого времени возвращается изъ гимназіи Ѳоминъ.

«Пойти увидать Антона, — подумалъ онъ — узнаю кстати, что задано къ понедѣльнику (была суббота), да, можетъ быть, намъ съ нимъ удастся поговорить по душѣ!»

Доброму отъ природы мальчику было искренно жаль товарища. Своимъ молодымъ чувствомъ онъ проникалъ въ его душу и понималъ, какой хаосъ былъ тамъ. Въ этой душѣ, душѣ молодой, но уже порядочно угнетенной жизнью, какъ думалъ Смородинъ, боролись въ неравномъ спорѣ добро и зло. Зло, какъ послѣдствіе всего того, что пришлось за свою короткую жизнь вынести Антону, было сильнѣе. Оно въ душѣ этого мальчика горѣло яркимъ пламенемъ, тогда какъ искорки добра только еще начинали разгораться. Эта тяжелая, суровая, безпощадная борьба зла съ добромъ и мучила Антона. Володя чувствовалъ, что товарищу тяжело, и радъ былъ-бы онъ помочь ему, облегчить его страданія, но не зналъ, какъ подступиться къ Ѳомину, какъ проникнуть въ его бѣдную, измученную душу . . .

День переѣзда въ городъ былъ уже недалекъ. Смородины не торопились уѣзжать, потому что дача у нихъ была собственная. Къ тому-же осень стояла на диво хорошая. Дожди еще не начинались. Дни были ясные, солнечные и даже теплые. Такими днями нужно было пользоваться, но такъ или иначе, а переѣзжать все-таки приходилось. Смородинъ задумалъ воспользоваться переѣздомъ, какъ поводомъ къ разговору съ Ѳоминымъ, и лишь только эта мысль пришла ему въ голову, онъ сейчасъ-же пошелъ отыскивать товарища.

«Дома его, конечно, нѣтъ, — размышлялъ мальчикъ, — къ нему и заходить не стоитъ. Вѣрнѣе всего, онъ на своемъ любимомъ обрывѣ!»

Рѣшивъ это, Володя, не мало не медля, пошелъ на озеро.

Былъ въ исходѣ четвертый часъ дня. Солнце еще высоко стояло на небѣ. Его яркіе, но холодные

лучи такъ и лились съ поднебесной выси на землю. Мальчикъ шелъ, весело насвистывая. На душѣ у него теперь было отрадно и весело. Онъ думалъ, что сейчасъ найдетъ товарища и на этотъ разъ сумѣетъ разбить ледъ, который облегалъ кругомъ его сердце . . .

Смородинъ уже миновалъ лѣсъ и подходилъ къ обрыву, когда вдругъ услыхалъ позади себя трескъ ломавшихся сухихъ вѣтвей. Кто-то бѣжалъ за нимъ и бѣжалъ, не разбирая дороги — это было ясно. Володя остановился и обернулся назадъ. Еще нѣсколько мгновеній, и онъ различилъ быстро приближавшуюся къ нему знакомую фигуру Антона Ѳомина . . .

Да, это былъ Антонъ Ѳоминъ, но въ какомъ видѣ!..

Онъ былъ безъ шапки и безъ пальто. Колючіе хвои, пока онъ бѣжалъ по лѣсу, изорвали его блузку. Лицо было тоже исцарапано до крови. Мальчикъ, когда бѣжалъ, очевидно нѣсколько разъ падалъ: онъ весь былъ въ липкой грязи. Но болѣе всего поразило Володю лицо Ѳомина. Оно было страшно. Глаза чуть не выскакивали изъ орбитъ, лицо было искажено невыносимымъ внутреннимъ страданіемъ; потъ, вызванный усиленнымъ движеніемъ, струясь по лицу, смѣшался съ кровью изъ царапинъ . . .

Смородинъ даже вскрикнулъ отъ испуга, увидавъ товарища въ такомъ видѣ . . . Онъ сразу почуялъ во всемъ этомъ что-то недоброе . . .

— Ѳоминъ, что съ тобой? — кинулся Володя на перерѣзъ товарищу, стараясь въ то-же время схватить его.

— Пусти, — прохрипѣлъ не своимъ голосомъ тотъ, — прочь уйди!

— Нѣтъ, не пущу! Скажи, что съ тобою!

— Пусти, проклятый! — и Ѳоминъ, что было у него силъ, ударилъ товарища.

Не ожидавшій ничего подобнаго Смородинъ едва удержался на ногахъ — такъ силенъ былъ этотъ ударъ.

Однако, онъ тотчасъ-же опомнился и кинулся вслѣдъ Ѳомину, уже успѣвшему на нѣсколько шаговъ опередить его . . . Ѳоминъ, задыхаясь отъ усталости, бѣжалъ прямо къ обрыву. Онъ туда и стремился. Шаговъ двухъ или трехъ не доходя до края онъ остановился, перекрестился и бросился впередъ.

Еще-бы одно мгновеніе, и несчастный мальчикъ былъ-бы въ озерѣ. Гибель его тамъ была неизбѣжна. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ сдѣлалъ роковой прыжокъ, Володя Смородинъ настигъ его и успѣлъ схватить за плечи, почти что на лету. Ѳоминъ рванулся впередъ, но Смородинъ былъ сильнѣе его. Володя понялъ, что задумалъ и на что рѣшился товарищъ. Страхъ удвоилъ его силы. Онъ рванулъ Ѳомина къ себѣ, повалилъ его на землю и насѣлъ на него. Антонъ, стараясь освободиться, забился подъ нимъ. Между мальчиками началась отчаянная борьба на самомъ краю обрыва. Смородинъ старался оттащить Ѳомина, тотъ такъ и рвался впередъ.

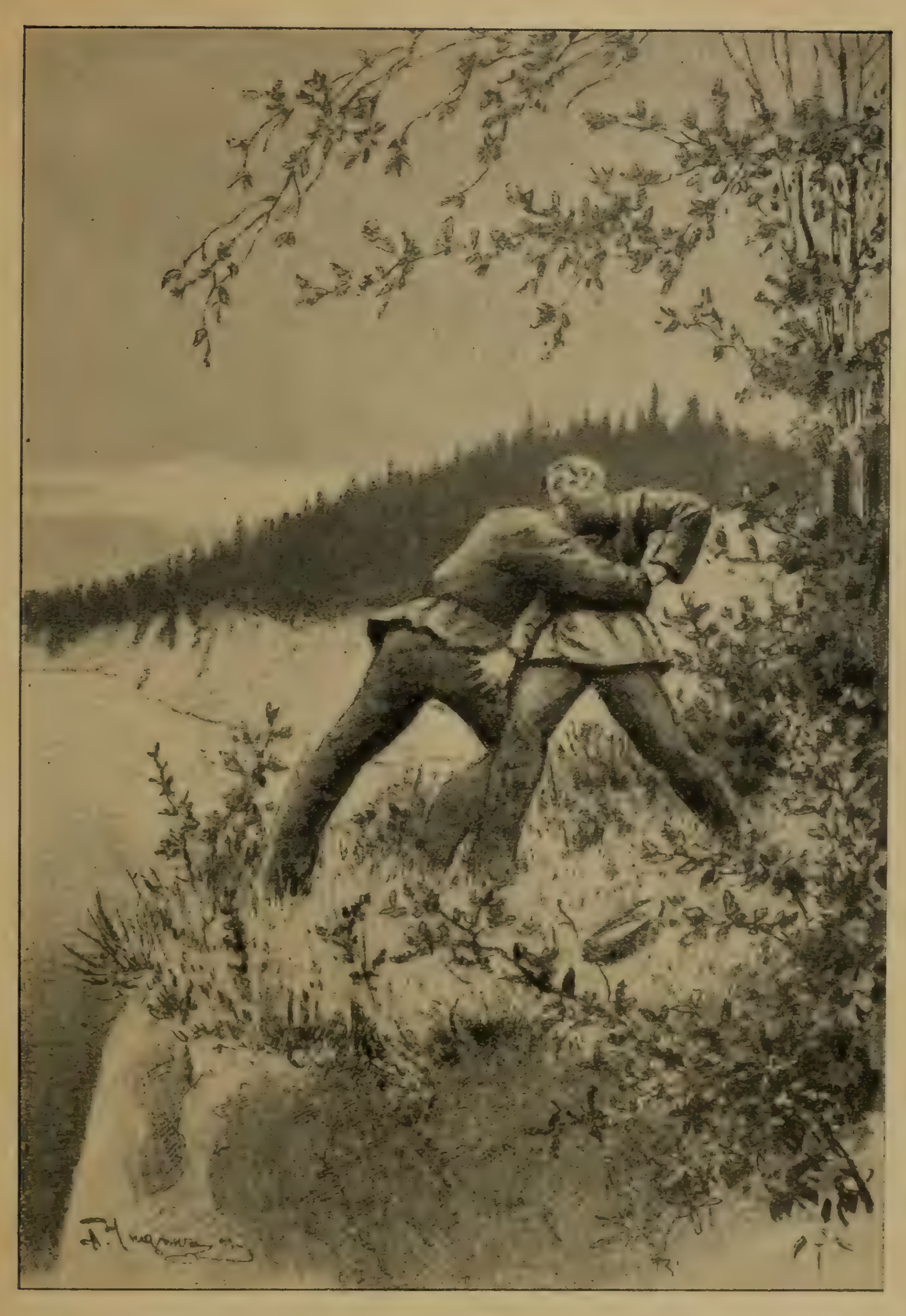
— Пусти, пусти меня! — хрипѣлъ онъ, — какое тебѣ дѣло? Пусти! Все равно не удержишь, не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ гдѣ-нибудь утоплюсь . . .

— Нѣтъ, не пущу — начиная въ свою очередь задыхаться отъ усилій, кричалъ Смородинъ. — Что еще случилось?

— Тебя не касается . . . Пусти меня . . .

— И не рвись . . . Не пущу . . . Я сильнѣе, ты это знаешь . . .

— Такъ я и тебя утоплю . . . Уходи, оставь меня, пусти!

Смородинъ настигъ его и успѣлъ схватить за плечи, почти что на лету.

Борьба продолжалась. Но силы были не равны. Ѳоминъ былъ утомленъ. Кромѣ усталости, и волненіе ослабило его. Онъ обезсиливалъ. Движенія становились уже не такъ быстры, сопротивленіе не столь рѣшительно.

Но что-же случилось въ самомъ дѣлѣ? Что такое привело мальчика къ такому отчаянному рѣшенію?

Всю дорогу вплоть до дому Ѳоминъ былъ счастливъ.

По его искреннему убѣжденію онъ держалъ всю судьбу своего «врага» — нѣмца въ своихъ рукахъ. Одна уже мысль о томъ, какъ онъ сперва изорветъ на мелкіе клочки, а потомъ сожжетъ всѣ «расписки» должниковъ Ѳедора Васильевича, приводила его въ несказанный восторгъ . . .

Придя домой, онъ тотчасъ-же выбросилъ книги изъ ранца, захватилъ найденный въ классѣ бумажникъ и убѣжалъ въ огородъ, гдѣ надѣялся безъ помѣхи разсмотрѣть всѣ бумаги, которыя тамъ были.

На огородѣ у Антона было укромное мѣстечко, куда никто никогда не заходилъ. Можно было безъ опасенія насладиться тамъ своею местью . . .

Но, укрывшись въ своемъ тайничкѣ, Антонъ не сразу открылъ бумажникъ. Онъ нарочно волновалъ себя ожиданіемъ. Это волненіе дѣлало его безконечно счастливымъ. Мальчикъ, злобно улыбаясь, то поглаживалъ бумажникъ, то похлопывалъ по нему.

— Вотъ оно: Вотъ — перстъ Божій! — шепталъ онъ — въ этомъ грѣха нѣтъ . . . Это все равно, что паука раздавить . . . Сорокъ грѣховъ сразу за это прощено будетъ!

Въ душѣ его однако проснулось сознаніе, что онъ дѣлаетъ скверное, гадкое дѣло, что это уже не проступокъ, а преступленіе. Совѣсть проснулась ра-

зомъ и громко заговорила. Искорка добра вступила въ послѣднюю рѣшительную борьбу съ пламенемъ зла . . .

И зло побороло . . .

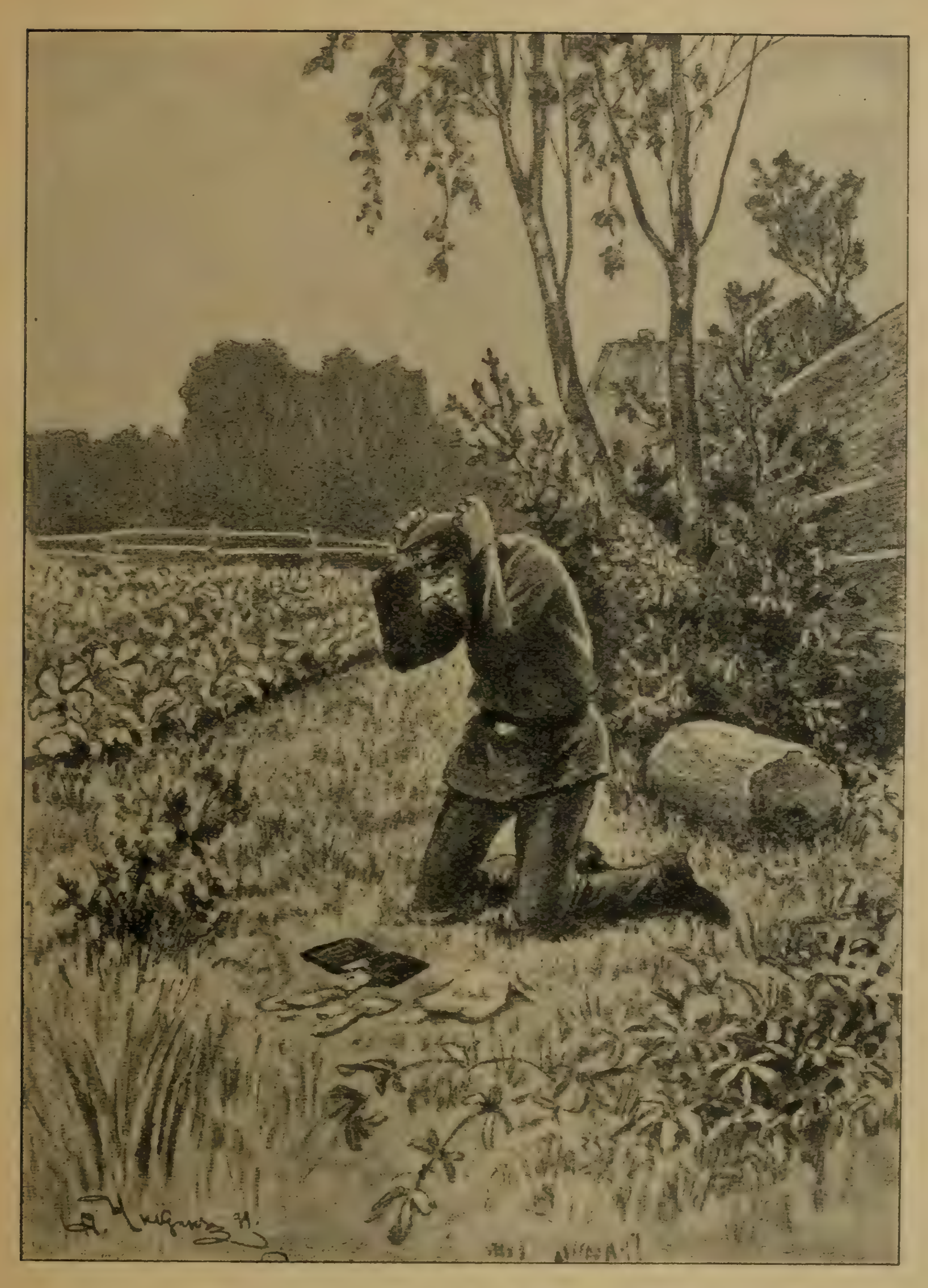
Сдѣлавъ надъ собою страшное усиліе, Ѳоминъ открылъ бумажникъ . . .

Да, онъ не ошибался! Бумажникъ, дѣйствительно, принадлежалъ Ѳедору Васильевичу. Это ясно доказывало присутствіе визитныхъ карточекъ съ фамиліей стараго нѣмца . . .

Ѳоминъ быстро развернулъ то отдѣленіе, которое туго было набито какими-то бумагами. Теперь уже заговорило любопытство. Голосъ совѣсти молчалъ. Мальчикъ вытащилъ изъ этого отдѣленія всѣ бумаги и взглянулъ на нихъ. Всѣ онѣ оказались квитанціями городскихъ ломбардовъ на заложенныя Ѳедоромъ Васильевичемъ вещи . . . Ѳоминъ торопливо пересмотрѣлъ ихъ — квитанціи мало интересовали его, но любопытство заставляло и на нихъ обратить вниманіе. Въ рукахъ Ѳомина были квитанціи на отданное въ закладъ платье, даже бѣлье. Были не только мужскія, но и дамскія вещи, очевидно, принадлежавшія супругѣ Ѳедора Васильевича . . .

Мальчикъ кое-какъ сложилъ квитанціи и спряталъ ихъ обратно. При этомъ его вниманіе привлекло какое-то письмо, лежавшее въ томъ-же отдѣленіи, гдѣ и ломбардныя квитанціи. Антонъ развернулъ и прочелъ его. Ему сдѣлалось не по себѣ. Въ письмѣ, помѣченномъ очень недалекимъ прошедшимъ числомъ, одинъ изъ поставщиковъ провизіи отказывалъ Ѳедору Васильевичу въ дальнѣйшемъ кредитѣ и требовалъ уплаты долга, подъ угрозой обратиться въ противномъ случаѣ къ мировому судьѣ.

«Что-же это значитъ? — невольно думалъ Ѳоминъ, —вѣдь, все это бѣдность, непроходимая бѣдность. . .

Со стономъ, похожимъ скорѣе на ревъ затравленнаго звѣря, Ѳоминъ опустился на колѣна.

гдѣ-же расписки и векселя должниковъ? а вотъ они!»

И онъ съ торжествомъ, заранѣе радуясь своей удачѣ, вытащилъ изъ послѣдняго отдѣленiи пачку длинныхъ, узкихъ, аккуратно сложенныхъ бумажекъ. Пачка эта была красиво перевязана голубой ленточкой, причемъ узелъ былъ сдѣланъ въ видѣ бантика.

Антонъ злобно расхохотался при видѣ этой пачки . . .

— Какая нѣжность, подумаешь! — вслухъ сказалъ онъ самому себѣ — голубенькая ленточка! Нѣжность паука къ паутинѣ . . . Посмотримъ, кто сталъ жертвою нѣмца!

Онъ безъ сожалѣнія оборвалъ ленточку и разогнулъ аккуратно сложенныя бумажки . . .

Еще мгновеніе, и всѣ онѣ выпали изъ его рукъ . . .

Ѳоминъ вскочилъ съ обрубка дерева, на которомъ сидѣлъ до того, схватился обѣими руками за голову и что было силъ въ мускулахъ сжалъ ее . . . Лицо его сразу-же поблѣднѣло, но, затѣмъ, кровь, отхлынувшая къ сердцу, ударила въ голову и блѣдное за минуту лицо стало почти такого-же цвѣта, какъ и волосы . . .

Со стономъ, похожимъ скорѣе на ревъ затравленнаго звѣря, Ѳоминъ опустился на колѣна, схватилъ упавшія на землю бумажки и быстро сталъ прочитывать одну за другую . . .

Всѣ эти бумажки были квитанціями различныхъ учебныхъ заведеній: гимназій, мужской и женской, реальнаго училища, и всѣ онѣ были выданы при взносахъ платы за ученіе . . .

Несчастный мальчикъ быстро нашелъ среди нихъ одну, на которой хорошо знакомымъ ему почеркомъ

инспектора Михайлова четко было выведено: «За Ѳомина Антона» . . .

Такъ вотъ, кто былъ этотъ неизвѣстный, котораго такъ любилъ Ѳоминъ, даже не зная . . .

Новая мысль промелькнула въ воспаленномъ мозгу мальчика. Онъ выхватилъ изъ бумажника письмо лавочника и взглянулъ на число, которымъ оно было помѣчено.

Число это какъ разъ предшествовало тому, въ которое былъ полученъ взносъ за ученіе Антона Ѳомина . . .

Несчастному казалось, что онъ видитъ какой-то страшный сонъ . . .

Чужой ему человѣкъ отдавалъ въ закладъ свои послѣднія вещички, лишался необходимаго для него кредита и все затѣмъ, чтобы во время заплатить за него, Ѳомина, старавшагося и думавшаго только о томъ, какъ-бы причинить вредъ именно этому человѣку . . .

Можно-ли жить Ѳомину послѣ того, какъ тайна неизвѣстнаго была раскрыта! Какими глазами онъ будетъ глядѣть на Ѳедора Васильевича? Какъ сознаться въ томъ, какимъ путемъ обнаружена была имъ эта тайна! . .

Ѳоминъ видѣлъ единственное разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ смерти . . . Лучше смерть, чѣмъ этотъ позоръ навсегда!

Если-бы не подвернулся Смородинъ, несчастный мальчикъ былъ-бы въ озерѣ . . .

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Слезы.

Ѳедоръ Васильевичъ былъ страшно огорченъ потерею своего стараго бумажника. Онъ всегда былъ

очень аккуратенъ, а тутъ вдругъ самъ упалъ въ своихъ глазахъ. Эта потеря казалась ему ничѣмъ невознаградимою. Квитанціи на заложенныя вещи еще ничего особеннаго изъ себя не представляли. Старика Іогансена хорошо знали въ ломбардахъ, гдѣ онъ былъ постояннымъ кліентомъ. Кромѣ того у него въ записной книжкѣ, чтобы слѣдить за сроками заклада, какъ и у всякаго аккуратнаго человѣка, были записаны всѣ нумера квитанцій. Такимъ образомъ потеря ихъ была еще полъ-бѣды. А вотъ, потеря квитанцій изъ гимназій было совсѣмъ уже другое дѣло. Конечно были квитанціи или не были на лицо, для тѣхъ, за кого внесена плата, это было безразлично, но добрый старикъ боялся, какъ огня, что будетъ обнаружено, кто такой «неизвѣстный» … Если бы не это опасеніе, то онъ не безпокоился-бы ни одного мгновенія, теперь-же онъ не зналъ, что дѣлать.

Старикъ положительно не могъ придумать, гдѣ-бы онъ могъ выронить свой бумажникъ. Онъ уже побывалъ въ классической гимназіи, въ реальномъ училищѣ, въ женской гимназіи, и во всѣхъ школахъ, гдѣ онъ преподавалъ, вездѣ спрашивалъ и вездѣ ему отвѣчали, что бумажника не находилось.

Въ угнетенномъ состояніи духа сидѣлъ онъ въ своей столовой вмѣстѣ съ Марѳой Игнатьевной за вечернимъ чаемъ. Наступили уже сумерки. Вечеръ былъ недалекъ. Старикъ чувствовалъ совсѣмъ необычную тоску. Марѳа Игнатьевна чуть не плакала, глядя на сумрачнаго мужа.

— Стары мы съ тобой стали, Марфуша, охъ, какъ стары! — вздыхалъ Ѳедоръ Васильевичъ, — пора на покой костямъ въ могилу.

— Что-же? Къ тому, Ѳеденька, дѣло и идетъ! — отвѣчала старушка.

— Вотъ я до чего дожилъ! Вещи изъ кармана терять сталъ . . . Когда это бывало? а!

— Что же, Ѳеденька, грѣхъ да бѣда на кого не живетъ!

— Такъ-то оно такъ, а все-таки больно становится, какъ подумаешь объ этомъ . . .

— А ты, Ѳеденька, утѣшься, успокойся . . . Никто какъ Богъ! . . Богъ дастъ, и бумажникъ твой найдется.

Слабый, чуть слышный звонокъ задребезжалъ въ передней.

— Идетъ кто-то, а я въ халатѣ! — засуетился старикъ. — Гдѣ сюртукъ-то мой? . .

— Два гимназиста, Ѳедоръ Васильевичъ, пришли! — явилась съ докладомъ Дарья, прислуга Іогансена, — говорятъ, безпремѣнно имъ васъ видѣть нужно . . . будто по важному дѣлу . . .

— Проси, проси, Дашенька, молодыхъ людей въ кабинетъ мой . . . Лампа-то зажжена тамъ? Скажи, что я сейчасъ. Сюртукъ мой, сюртукъ гдѣ? . .

— Да ты бы, Ѳедя, къ нимъ въ халатѣ вышелъ, — замѣтила Марѳа Игнатьевна — дѣтки тебя не осудятъ!

— Нѣтъ, что ты! Что ты! — замахалъ обѣими руками старикъ, — развѣ можно къ нимъ такимъ разгильдяемъ выйти . . . Молодые люди обидѣться могутъ! Вотъ, скажутъ, изъ-за того, что мы дѣти, въ чемъ угодно намъ показывайся! Такъ нельзя . . . Молодое поколѣніе надо воспитывать непремѣнно на почвѣ взаимоуваженія? Давай-же, давай мой сюртучишко! Не хорошо заставлять себя ждать . . .

Войдя въ свой кабинетъ, Ѳедоръ Васильевичъ увидѣлъ одного только Смородина.

— Здравствуйте, мой милый другъ! — привѣтливо сказалъ онъ, — а мнѣ послышалось, что васъ двое?

— Насъ и такъ двое, Өедоръ Васильевичъ! — отвѣтилъ Володя, — вотъ, Өоминъ хочетъ объ очень, очень серьезномъ дѣлѣ поговорить съ вами, а меня простите, я долженъ васъ оставить!

— Куда-же вы торопитесь, другъ мой! если пришли въ гости, такъ оставайтесь . . . Но гдѣ-же мой дорогой Өоминъ, я его не вижу.

— Я здѣсь, Өедоръ Васильевичъ! — раздался изъ самаго темнаго угла кабинета дрожащій голосъ.

— А, вотъ вы куда запрятались . . . Пойдемте-ка, пойдемте, друзья мои, къ моей женѣ, вы какъ разъ поспѣли къ чаю . . .

— Өоминъ хочетъ говорить съ вами съ глазу на глазъ, Өедоръ Васильевичъ, — сказалъ Володя.

— А, стало быть, дѣло очень серьезное . . . Ну, когда такъ, то вы, Смородинъ, пройдите къ Марөѣ Игнатьевнѣ, займите ее, будьте ей кавалеромъ, пока мы будемъ бесѣдовать . . . вотъ, въ эту дверь . . . Ни-ни! Никакихъ отговорокъ не принимаю . . . Идите же, идите, а мы, какъ кончимъ, къ вамъ присоединимся!

Смородинъ не настаивалъ.

Очевидно ему и самому хотѣлось остаться до конца разговора между Өоминымъ и старикомъ учителемъ.

Едва только дверь затворилась за нимъ, Антонъ выбѣжалъ изъ своего угла и, весь дрожа, опустился передъ Өедоромъ Васильевичемъ на колѣна . . .

— Что это значитъ, дорогой мой? — вскричалъ удивленный донельзя Өедоръ Васильевичъ, — что съ вами?

— Простите меня, — послышался въ отвѣтъ ему безсвязный лепетъ.

— За что простить? Что вы мнѣ сдѣлали?

— Вы знаете! Это я подпилилъ ножку у стула, и вы упали . . .

— Эхъ, что вамъ вспоминать! Все это прошло и забыто . . .

— Я забыть не могу! Я . . .

— Прежде всего, дитя мое дорогое, милое дитя, встаньте, сядемте здѣсь, вотъ такъ . . . ну, теперь давайте бесѣдовать.

Добрый старикъ по тону голоса мальчика догадался, какъ тяжело далось Ѳомину это признаніе.

Жалость къ несчастному подростку овладѣла имъ. Онъ видѣлъ, что рыданія должны были съ минуты на минуту хлынуть стремительной волной изъ этой перестрадавшейся груди.

— Ну, успокойтесь-же! Успокойтесь . . . — говорилъ Ѳедоръ Васильевичъ, обнимая мальчика и притягивая его къ себѣ, — прошу васъ, успокойтесь. Вѣдь мы съ вами друзья! Не такъ-ли? Ну, сдѣлали вы, такъ сдѣлали . . . Знаете пословицу: кто старое помянетъ . . .

— Нѣтъ, не говорите такъ, не говорите Ѳедоръ Васильевичъ, — прерывающимся голосомъ лепеталъ Ѳоминъ, — я дурной, я гадкій, я злой . . . убейте меня, прошу васъ, если вы въ самомъ дѣлѣ добрый, убейте меня . . . Я-бы самъ себя убилъ, если-бы не Смородинъ . . . О, какъ тяжело, какъ тяжело!

Судорожныя рыданія вдругъ вырвались изъ груди мальчика.

Не помня себя, онъ соскользнулъ съ дивана, гдѣ они сидѣли, къ ногамъ старика и началъ безсвязно разсказывать о всемъ, что ему пришлось вытерпѣть съ дѣтства . . .

Старикъ не мѣшалъ ему.

Онъ понималъ, что этотъ разсказъ облегчитъ мальчика, горемычную жизнь котораго онъ зналъ хорошо. Ѳоминъ говорилъ все, что было на душѣ у него. Разсказъ его былъ безсвязенъ, но правдивъ. Въ этомъ

разсказѣ онъ не щадилъ себя, но и не жаловался ни на кого. Все повѣдалъ онъ старику — все, что волновало, мучило, озлобляло его. И про семейство, и про школу, и про одиночество свое вѣчное, тяжелое, про жизнь свою безъ ласки, безъ любящаго существа вблизи. Разсказалъ, какъ подслушалъ онъ у дверей учительской разговоръ преподавателей и какъ потомъ онъ мечталъ о неизвѣстномъ и клялся въ благодарность за первую въ жизни ласку отдать ему жизнь . . .

Тоскливое чувство все больше и больше овладѣвало Ѳедоромъ Васильевичемъ, когда онъ слушалъ этотъ разсказъ.

— Бѣдное дитя! Бѣдный страдалецъ . . . безъ ласки, безъ свѣта любви — восклицалъ онъ. — О, теперь не бойтесь, теперь я всегда буду съ вами. Да, всегда!

— Вы! — вскрикнулъ Ѳоминъ — вы? Нѣтъ, и вы сейчасъ меня прогоните . . . Знаете, что я сдѣлалъ сегодня? . . А какъ мнѣ стыдно сказать это . . . Вѣдь, я нашелъ вашъ бумажникъ и открылъ его! . .

Ѳедоръ Васильевичъ вздрогнулъ.

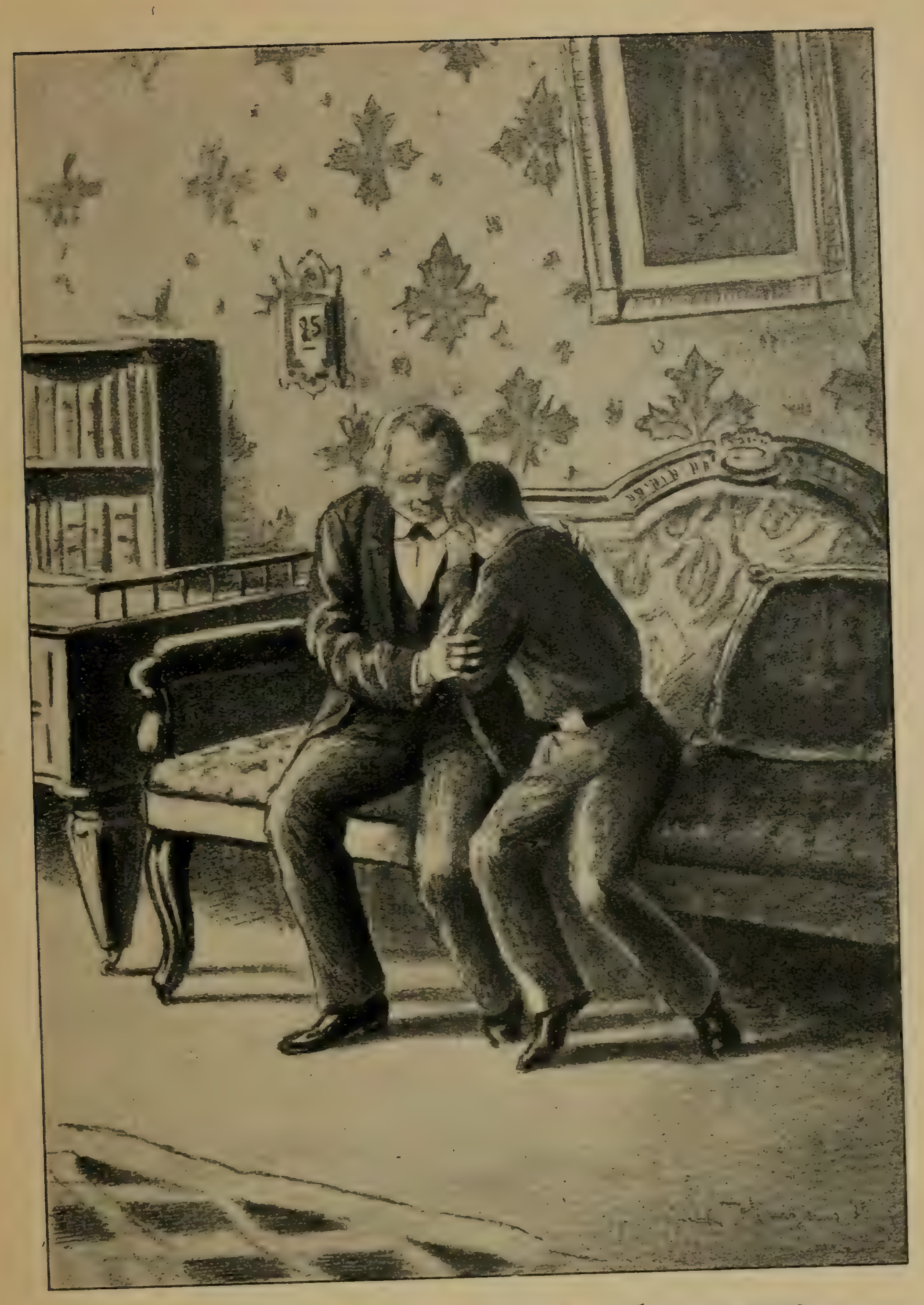
— Вотъ онъ! возьмите! . . Да, я нашелъ его . . Про васъ говорили, что вы скряга, вы ростовщикъ, который послѣдніе соки пьетъ изъ бѣдняковъ . . . я обрадовался, когда нашелъ вашъ бумажникъ, я думалъ найти въ немъ расписки вашихъ жертвъ и уничтожить ихъ, чтобы избавить людей отъ васъ, а вмѣсто этого . . . вмѣсто этого . . . вспомнить не могу . . . глядѣть на васъ не могу . . . я топиться побѣжалъ . . . озеро тамъ у насъ есть, и утопился-бы, если-бы не подвернулся Смородинъ . . . я, вѣдь, и его чуть не утопилъ . . . Когда онъ меня оттолкнулъ и повалилъ, я уже о себѣ не думалъ, я его хотѣлъ во что-бы то ни стало сбросить съ обрыва, только онъ сильнѣе меня . . . Потомъ я не помню, что случилось . . . Об-

морокъ, должно быть, со мной сдѣлался . . . Когда я очнулся, Володя уже далеко меня отъ обрыва оттащилъ . . . Какъ за ребенкомъ ухаживалъ и къ вамъ пойти убѣдилъ . . . Вотъ-вотъ бумажникъ, въ немъ все цѣло . . . Гоните-же, гоните, меня скорѣе!

— Дитя мое, милое дорогое дитя, страдалецъ мой бѣдный, — закричалъ Ѳедоръ Васильевичъ, — зачѣмъ вы такъ думаете? . . Какъ можете вы такъ думать . . . Господи! Да развѣ я не вижу, какое сердце-то у васъ . . . Онъ бѣдняковъ изъ сѣтей ростовщика хотѣлъ освободить! . . Онъ расписки хотѣлъ уничтожить . . . Да знаете ли вы, неразумненькій, глупенькій мой, что вы сдѣлать хотѣли? Вѣдь, вы себя въ жертву за другихъ приносили, когда съ такимъ намѣреніемъ мой бумажникъ старый вскрывали . . . Поймите, вы себя не жалѣли ради людей, которыхъ и знать не могли . . . О, Господи! Не гнать васъ надо, — какъ вы только сказать это осмѣлились! — обнимать васъ надо, цѣловать! Вѣдь, вы, глупенькій мой подросточекъ, герой вы неразумненькій, чистый агнецъ непорочный . . . Ахъ, что я говорю. Развѣ скажешь что здѣсь словами! Чего ты стоишь, мальчикъ мой любый, страдалецъ мой, поди ко мнѣ, скорѣй поди, вотъ такъ! Ты плачешь? Плачь, плачь, родной мой, не стыдись этихъ твоихъ слезъ . . . Это святыя слезы, въ нихъ отъ всякой наносной скверны омывается твое хрустальное сердце . . . И я плачу, глядя на нихъ!

Ѳоминъ рыдалъ, припавъ къ плечу добраго старика.

Давно сдерживаемыя слезы ручьями лились изъ его глазъ, грудь его высоко вздымалась. Ему въ эти мгновенія было больно, страшно больно и въ то же время ему хотѣлось плакать, плакать и плакать . . .

Ѳоминъ рыдалъ, припавъ къ плечу добраго старика.

Эти причинявшія ему боль слезы казались ему высшимъ наслажденіемъ . . .

— Какъ хорошо! Какъ легко! — шепталъ онъ.

Плакалъ и Өедоръ Васильевичъ.

Слезы учителя и ученика смѣшались вмѣстѣ, какъ когда-то во время рукопашныхъ боевъ смѣшивалась кровь двухъ борцовъ . . .

Въ дверяхъ кабинета стояли Марөа Игнатьевна и Смородинъ, привлеченные туда рыданіями Өомина.

Володя, знавшій, въ чемъ дѣло, плакалъ навзрыдъ.

— Какъ хорошо, какъ легко! — пролепеталъ Өоминъ и вдругъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, откинулся назадъ и тихо упалъ на кушетку.

Алая струя крови хлынула изъ горла . . .

Къ счастью это горловое кровотеченіе, какъ сказалъ сейчасъ-же призванный докторъ, оказалось не опаснымъ, но бѣдный мальчикъ все-таки не на шутку захворалъ.

Өедоръ Васильевичъ быстро принялъ рѣшеніе относительно дальнѣйшей судьбы Өомина.

На другой-же день Іогансенъ былъ у Залѣсовыхъ.

Послѣ очень недолгаго разговора достойные супруги отдали ему Өомина «въ пожизненное и потомственное владѣніе», какъ выразился г. Залѣсовъ, находя, вѣроятно, свои слова очень остроумными . . .

Съ тѣхъ поръ Антонъ Өоминъ уже не разставался съ пріютившими его стариками.

Быстро, подъ вліяніемъ искренней, сердечной ласки измѣнился этотъ мальчикъ. Куда дѣвались его злоба, упрямство, несообщительность! Ихъ замѣнили ласковость, веселость, отзывчивость на все доброе . . .

Іогансены, и мужъ, и жена, души не чаяли въ Антонѣ . . .

— Господь взялъ у насъ двухъ дѣтей, — частенько говорилъ Өедоръ Васильевичъ, — и замѣнилъ ихъ

однимъ, да такимъ, что днемъ съ фонаремъ поискать. А все оттого, что я, старый, свалился со стула . . . не упади я, не было-бы съ нами нашего милаго, добраго мальчика! И такъ еще разъ блистательно подтвердилась теорія: «Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ».

Выздоровѣлъ Ѳоминъ и обновленнымъ, возродившимся вернулся въ гимназію . . .

Конечно, все прошлое было забыто, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующую-же четверть онъ сталъ первымъ ученикомъ въ классѣ, да такъ первымъ и шелъ до окончанія курса.

На выпускномъ актѣ Михаилъ Павловичъ, передавая Ѳомину золотую медаль, во всеуслышаніе назвалъ его «лучшимъ украшеніемъ N-ской классической гимназіи».

Ѳоминъ не менѣе блестяще кончилъ курсъ въ медицинской академіи. Но онъ отказался отъ всякой карьеры и всего себя, всѣ свои силы, всѣ знанія посвятилъ на служеніе ближнему . . .

Онъ сталъ врачемъ для бѣдныхъ.

Ни одинъ бѣднякъ, обращавшійся къ нему за помощью, не встрѣчалъ отказа.

Такъ платилъ онъ свой долгъ старому, доброму учителю, одной своей беззавѣтной лаской и безкорыстнымъ служеніемъ на пользу ближняго возродившему его къ новой жизни . . .

Только смерть разлучила Іогансеновъ съ Ѳоминымъ, но, и потерявъ ихъ, Антонъ не измѣнился и шелъ бодро избраннымъ, незамѣтнымъ и неблестящимъ, но святымъ путемъ . . .

И всегда онъ вспоминалъ слова своего стараго друга, говорившаго, что страданіе и горе — это единственный въ жизни, хотя и тернистый, путь къ высшему счастью — сознанію до конца исполненнаго долга любви . . .

Благо тому, кто шествуетъ этимъ путемъ . . .

Много, охъ много на немъ колючаго тернія! Весь святой путь усѣянъ имъ съ самаго своего начала и до конца, но зато въ концѣ тернистаго пути никогда неувядающія розы . . .

Блаженъ кто достигнетъ ихъ . . .

Этого счастливца ждетъ ни съ чѣмъ не сравнимое счастье: тихій, тихій душевный покой, который можетъ дать человѣку именно одно только сознаніе до конца исполненнаго долга любви къ ближнему . . .

Идите-же этимъ путемъ: онъ ведетъ къ счастью! . .

Оглавленіе.